

Томас Прест
Джеймс Раймер

ВАРНИ-ВАМПИР

Кровавый призрак
Книга 1

Варни-вамфир

Томас Прест

Кровавый праздник

«Остеон-Групп»

1846

Прест Т.

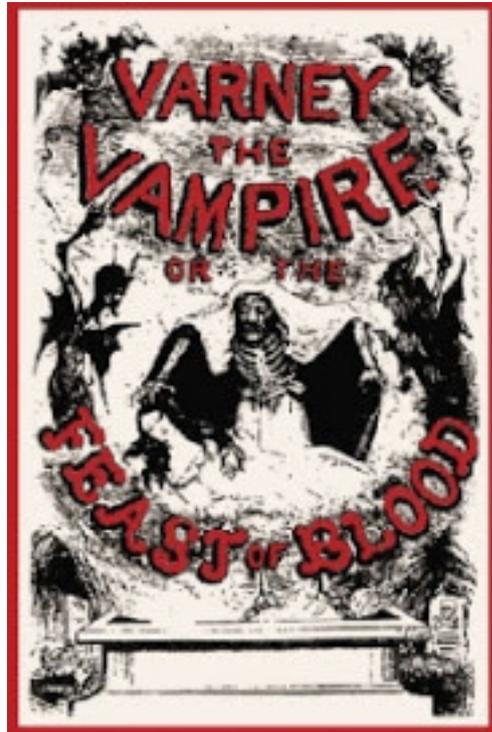
Кровавый праздник / Т. Прест — «Остеон-Групп» ,
1846 — (Варни-вампир)

Впервые появившись на прилавках роман «Варни вампир» произвел в Англии фурор едва ли не больший, чем романы Дюма, Диккенса, Бальзака и открыл дорогу несметному количеству комиксов, книгам ужасом и всему тому потоку, который мы сейчас называем «массовой литературой». В одной из первых книг про вампиров читатель встретится с необычным анти-героем, мистером Варни, вампиром, который предстает перед нами в облике лощеного английского джентльмена. Вооруженный сознанием собственной безнаказанности и всемогущия, он творит ужас в маленьком поместье. Объектом его гнусных посягательств становится юная и прекрасная девушка Флора. Однако ее братья и жених бросают вызов чудовищу...

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Томас Прест, Джеймс Раймер Кровавый праздник

Предисловие

*И старый адмирал сойдет со стен к свечам,
И пустотой зеркал наполнит свой бокал.*

В начале прошлого века в Англии возник новый сенсационный вид литературы для самых бедных классов населения. Поначалу эту серию романов окрестили «Грошовой кровью» или «Кровью и громом», а позже за ней закрепилось название «Грошковые романы ужасов».

Коллекционеры «Грошовой крови» считают роман «Варни Вампир или Кровавый пир» настоящим сокровищем. На протяжении многих лет они искали и собирали его части по всему свету, воссоздавая воистину одну из редчайших книг. До наших дней уцелело лишь несколько копий этого романа. В 1996 году одна из них выставлялась в Англии на аукционе и была продана за 1700 фунтов стерлингов (то есть, за 3000 долларов).

Написанный за 50 лет до «Дракулы» Брема Стокера, роман о Варни Вампире был воспринят современниками как плод богатой фантазии и, естественно, оказал на них огромное влияние, однако в наши дни он странным образом оказался едва ли не забытым. Так кто же написал его и для чего?

Чтобы ответить на эти два вопроса, нам придется вернуться в первую четверть XIX века, когда самым популярным чтением считались готические романы, наполненные замками, привидениями, мелодраматическими героями и туповатыми жителями деревень. Такие книги были недоступны для среднего горожанина и приобретались, в основном, людьми из высшего общества. Драматическая цепь событий изменила эту ситуацию и донесла беллетристику триллера до широких масс.

Во-первых, реформы правительства в образовании привели к тому, что всех детей обучали грамоте. Во-вторых, печатные машины были оборудованы новейшими паровыми прессами. Таким образом, печатная продукция могла выпускаться с беспрецедентной скоростью за долю прежней себестоимости и находить свое потребление у возраставшего количества грамотных людей. Все это открыло путь для нового вида художественной литературы.

Одним из первых издателей, успешно освоивших этот рынок, был Эдвард Ллойд. В детстве (в 1815 году) он вместе с родителями переехал из Торнтон-Хита в Лондон. По некоторым источникам, в юности Ллойд организовал небольшую печатную мастерскую и начал распространять периодические издания. Он в полной мере удовлетворил жажду рабочего класса в авантюрной литературе, издав в 60 еженедельных номерах сенсационный сериал «Жизнеописание самых знаменитых грабителей и разбойников» (1836). Внезапный успех привел его к следующей серии, состоявшей из 71 брошюры. Она называлась «История пиратов всех наций» (1836). Для рабочего люда со средней зарплатой, попавшего в рабство тяжелого труда, эти драматические истории были чудесным бегством от тошнотворной реальности. Но истиной причиной их успеха стал тот факт, что они воспевали дух обычного человека и высмеивали богатых и знатных людей.

VARNEY, THE VAMPYRE;

OR,

THE FEAST OF BLOOD

A Romance.

CHAPTER I.

—“How graves give up their dead,
And how the night air hideous grows
With shrieks!”

MIDNIGHT.—THE HAIL-STORM.—THE
DREADFUL VISITOR.—THE VAMPYRE.

THE solemn tones of an old cathedral clock have announced midnight—the air is thick and heavy—a strange, death-like stillness pervades all nature. Like the ominous calm which precedes some more than usually terrific outbreak of the elements, they seem to have paused even in their ordinary fluctuations, to gather a terrific strength for the great effort. A faint peal of thunder now comes from far off. Like a signal gun for the battle of the winds to begin, it appeared to awaken them from their lethargy, and one awful, warring hurricane swept over a whole city, producing more devastation in the four or five minutes it lasted, than would a half century of ordinary phenomena.

It was as if some giant had blown upon some toy town, and scattered many of the buildings before the hot blast of his terrific

Брошюры издавались на грубой бумаге и содержали восемь страниц с текстом, напечатанным в две колонки. На обложке обычно изображалась какая-нибудь гравюра или зловещий образ. Довольно часто иллюстрацией служила сцена из следующей, готовившейся к печати брошюры – что возбуждало интерес и аппетиты читателей. Постепенно, рисунки вообще потеряли свою связь с историей, поскольку издатель без зазрения совести использовал любые старинные гравюры, которые только мог найти. Еженедельные брошюры оканчивались на самых интересных местах – часто на середине фразы – заставляя читателей приобретать очередные номера. Цена брошюры составляла пенс – причем, четные номера отдавались бесплатно при покупке нечетных.

Ллойд бессовестно пользовался успехом Чарльза Диккенса, который в ту пору был очень популярным. Он заставлял своих авторов имитировать истории Дикенса, а затем подавал их под слегка измененными названиями: «Давид Копперфул», «Оливер Твистс», «Никлас Никлбери», «Пенни Пиквик» и так далее. В те годы плагиат в издательском деле считался делом столь же обычным, как сейчас законы об авторском праве.

Издательский бизнес Ллойда быстро шел в гору благодаря изумительной работоспособности и фантастическому воображению двух писателей из его авторской группы. Это были Томас Пекетт Прест и Джеймс Малкольм Раймер. Говорят, что Прест считался чудесным музыкантом и композитором. До того, как присоединиться к Ллойд, он написал и издал несколько своих произведений. А Раймер был шотландским инженером, успешно переквалифицировавшимся в создателя популярной прозы. Эти два писателя соперничали друг с другом в скорости. Подумать только, они могли работать одновременно над десятью различными романами. К сожалению, сейчас невозможно определить, кто же из них написал тот или иной сериал – Ллойд издавал свои брошюры без указания авторов. Однако точно известно, что Прест написал такие замечательные произведения, как «Маньяк-отец или Жертвы соблазна», «Порок и его жертвы или Дочь крестьянина Феба» и «Свинни Тодд, демонический цирюльник с Флотской улицы», впоследствии изданный как «Нитка жемчуга» (роман послужил прообразом для известного фильма «Кошмар на улице Вязов»).

Раймер написал такие книги, как «Черный монах или Секрет Серой башни», «Обманутая Ада или Убийство в „Старой кузнице“ и „Первый ложный шаг или Путь к преступлению“». Его самым большим романом был легендарный «Варни Вампир или Кровавый пир». Первые брошюры сериала вышли в свет в 1845 году. Номер первый содержал четыре начальные главы. Обычно, если роман раскупался плохо, Ллойд урезал его до 6-8 номеров. Но если истории пользовались успехом, он заставлял авторов растягивать их, как только можно. Когда популярность романа ослабевала, писатель должен был закончить его в следующем номере. Работа в таком режиме была адски тяжелым трудом для писателей, и этим объясняется странный стиль, в котором излагались их истории. Тем не менее, такая манера письма позволяла им внезапно прервать роман или без труда перевести его иную плоскость действий.

Это будет очень заметно в конце истории о Варни, когда весь сюжет сведется к попыткам вампира найти себе невесту. Тем не менее, мы должны простить эти грехи писателя и учесть те условия, в которых он был вынужден работать. Брошюры Ллойда представляли собой «мыльные оперы» того времени, и каждый эпизод должен был пленять читателей и вызывать их интерес. Автор, готовивший еженедельные номера для нескольких серий, не обладал ни временем, ни возможностями, которые имеет сейчас любой создатель романов. Но не смотря ни на что, «Варни» пользовался огромным успехом.

В 1846 году на основе романа была поставлена театральная пьеса. Серия брошюр о Варни выходила в течение двух лет и была завершена на 220-ой главе в 109-ом номере. Сам роман был написан отлично – особенно драматическое начало. Но сюжет удивит современ-

ного читателя, привыкшего к историям о вампирах. Это в первую очередь обусловлено устоявшимся жанром, начало которому положил стокеровский «Дракула». Здесь же мы сталкиваемся с напряженной и таинственной историей, в которой семейство Баннервортов и их друзья ведут нелегкую битву с сэром Френсисом Варни. Замысел очень широк, но теряет темп на середине романа, когда вампир вдруг исчезает из сюжета. Это потеря компенсируется комическими эпизодами с адмиралом Беллом и Джеком Принглом, но затем история снова заостряется до драмы, когда Варни появляется вновь. Роман заканчивается тем, что сэр Френсис бросается в кипящую лаву Везувия. А самая запоминающаяся сцена происходит в сороковой главе, когда вампир принимает вызов адмирала Белла. Он предлагает пожилому джентльмену воспользоваться для дуэли лабораторией в его особняке. Они вооружаются косами, гасят свечи в просторной комнате и около часа делают все возможное, чтобы расечь противника на две половинки.

С середины 1830 до середины 1850 года Эдвард Ллойд издал свыше 200 сериалов. Полученный от них доход помог ему основать газетную империю, которая сохранилась и в 20 веке. Он умер в 1890 году миллионером. В старости Ллойд стыдился своего грязноватого старта с бульварной литературы, и его многочисленные агенты ходили по книжным магазинам, библиотекам и рынкам, скупая многочисленные публикации «Грошовых книг ужасов» и уничтожая раритетные произведения.

К счастью, один из агентов тайно сохранил большое количество брошюр, которые после смерти Ллойда он продал за приличную цену. С той поры старые книги ужасов стали предметами коллекционирования. Что же касается его двух знаменитых писателей, то Томас Прест умер в нищете в 1859 году, а Джеймс Раймер дожил до 70 лет и скончался в 1884 году. В его свидетельстве о смерти в графе о профессии значилось слово «джентльмен», а стоимость наследуемого имущества составляла 8000 фунтов стерлингов.

Известный коллекционер Джон Медкрафт, написавший книгу «Грошковые романы ужасов Эдварда Ллойда» назвал «Варни Вампира» классикой. Вначале мы с трудом мирились с такой высокой оценкой. Однако, прочитав для сравнения «Франкенштейна» Мэри Шелли или «Дракулу» Брэма Стокера, читатель примет ту же точку зрения.

Эти старинные романы являются классикой в том смысле, что они представляют собой плоды удивительно богатого воображения, хотя, возможно, в наши дни их сюжеты могут показаться шероховатыми и мелодраматичными. Однако заслуга их сочинителей заключается в том, что они вдохновили последующее поколение писателей на творчество, которое стало частью нашей повседневной жизни. Черепашки-нидзя, «Звездные войны», фантастические боевики и многочисленные «Интервью с вампиром» – все эти неотъемлемые явления нашей сегодняшней поп-культуры берут свое начало в грошовых бульварных романах, которые подготовили сознание человечества к наступлению технократической цивилизации.

Глава 1

*«Когда могилы отдают своих мертвых,
Воздух ночи наполняется страшными воплями!»*

Полночь. – Буря. – Ужасающий гость. – Вампир.

Торжественные тона старых кафедральных часов пробили полночь. Воздух был густым и тяжелым. Странная, похожая на смерть тишина пропитала природу. И как при зловещем штиле, который предшествует многим ужасным стихийным бедствиям, силы элементов приостановили свою обычную деятельность, собирая мощь для сокрушительного удара. Издалека донесся первый и слабый раскат грома. Как сигнальный выстрел, возвещающий начало грандиозной битвы, он пробудил ветра войны от летаргического сна, и безумный, невесть откуда взявшийся ураган пронесся над страной, произведя за три-четыре минуты столько разрушений, что их хватило бы на полвека обычной истории.

Будто гигант подул на игрушечный город, разметав крыши домов горячим порывом ужасного дуновения. Ветер стих так же внезапно, как и возник, но после него стало еще тише и холоднее, чем прежде. Спавшие пробудились, думая, что услышанный ими вой был криком химер из кошмаров. Дрожа от страха, люди вновь пытались уснуть. А вокруг стояла тишина – тишина могилы. И ничто не нарушало магии безмолвия.

Но что это? Станный шуршащий звук, будто топот ног миллионов эльфов. Нет, это был град. Настоящая буря обрушилась на город. С деревьев вперемешку с сучьями срывало листья. Окна, встретившие прямую атаку шквала ледяных комков, разбились вдребезги, а похищенная тишина, еще миг назад поражавшая своей интенсивностью, сменилась на шум, который в своем апогее заглушал все крики удивления и испуга, вырывавшиеся из уст людей, в чьи дома врывается буря.

Время от времени внезапные порывы ветра, задувавшие сбоку, на секунду подвешивали миллионы градин в воздухе, но затем они с удвоенной силой неслись в каком-то другом направлении для свершения нового зла.

О, как ярилась эта буря! Град, дождь и ветер! То была воистину пугающая ночь.

В этом старом доме имелась комната, оформленная в античном стиле. Станные и причудливые резные украшения на стенах; большая каминная полка, любопытная сама по себе; низкий потолок и эркер от крыши до пола, с видом на запад. При свете солнца и луны витражное окно с замысловатой цветной мозаикой наполняло комнату призрачными, но прекрасными оттенками. И хотя панели стен могли служить чудесным фоном для коллекции картин, в этой комнате был лишь один портрет, изображавший молодого человека, с бледным лицом, величавыми бровями и странным выражением в глазах, в которые никто не пожелал бы взглянуть дважды.

В комнате находилась просторная кровать, вырезанная из орехового дерева, богатая по оформлению и искусно сделанная – один из тех шедевров, которые обязаны своим существованием елизаветинской эпохе. Полог из плотного шелка и дамаста был украшен по углам большими перьями. Поникшие и запылившиеся, они лишь придавали комнате печальный погребальный вид, чему способствовал и пол из полированного дуба.

О, Господи, как сильно барабанил град в окно! Словно выпущенные из игрушечных мушкетов, беспорядочные залпы градин молотили, били и раскалывались о стекла мозаики –

и только малый размер этих стекол спасал их от разрушения. Град, ветер и дождь напрасно срывали на них свою злобу.

А кровать в этой комнате не пустовала. Чудесное создание лежало в полусне на древнем ложе – юная дева, прекрасная, как весеннее утро. Ее длинные волосы, избавившись от строгости заколок, разметались черным ореолом по подушке и простыням, смятым из-за беспокойного сна. Одна рука девушки была изогнута над головой, вторая свесилась с края кровати. Одежда наполовину прикрывало шею и грудь, очарование которых мог бы передать лишь величайший скульптор, чей гений был бы даром самого Провидения. Девушка стонала во сне. Раз или два ее губы шевелились, будто шептали молитву – по крайней мере однажды она тихо произнесла имя Того, Кто принял за нас непомерные муки.

Однако дева была сломлена усталостью. Даже буря не пробудила ее. Не в силах разрушить сон, неистовство стихии лишь проникло в дремоту, обострило чувства, но не смогло прорваться в ту заводь покоя, в которую погрузился разум.

О, какой мир грез был в этих слегка приоткрытых устах! Похожие на жемчуг зубы поблескивали в слабом свете, проникавшем сквозь эркер. Какими нежными были длинные и загнутые ресницы! Но, чу, она пошевелилась! Одно плечо приоткрылось – гладкая кожа была еще белее, чем простыня под ним. Эта сказочная фея только вступала в период женственности. В своей переходной стадии она сохраняла свежесть юности и казалась почти девочкой, хотя в ее фигуре уже чувствовалась краса и мягкость зрелых лет.

Но что это блеснуло? Молния – ослепительно яркая вспышка – и за ней рокочущий грохот грома, словно тысячи гор покатались по синему своду небес! Ну кто мог бы остаться спящим в этой местности? Да ни одна живая душа! Даже фанфары вечности не произвели бы большего эффекта в пробуждении людей.

А град продолжался. И ветер не стихал. Его вой набирал высоту и силу. Прекрасная дева проснулась. Она открыла голубые глаза, и слабый крик тревоги сорвался с ее губ. Во всяком случае на фоне грома и звуков бури ее крик казался приглушенным и тусклым. Она села на постели и закрыла ладонями глаза. О небеса! Как бушевали ветер, град и ливень! Гром еще отдавался далеким эхом, а новая вспышка зигзагообразной молнии породила еще одно невыносимо громкое сотрясение воздуха.

Девушка зашептала молитву. Она молилась за тех, кого любила. Имена родных и близких слетали с ее уст, а по щекам катились слезы. Представляя разрушения, вызванные этой жуткой бурей, она умоляла великого Бога небес заступиться за живых созданий. Еще одна вспышка – голубой ошеломляющий росчерк молнии, пронесшийся за стеклами эркера. На миг все цвета мозаики вспыхнули с пугающей четкостью. С губ девушки сорвался новый крик. Взгляд был прикован к окну, которое после молнии превратилось в пятно темноты. Лицо девушки выражало непередаваемый ужас. Она дрожала. От страха над ее бровями появился бисер пота.

– Что это? – прошептала она. – Иллюзия или реальность? О Боже, кто это? Мне показалось, что я видела фигуру мужчины, который пытался открыть раму эркера. Но при вспышке молнии его контур занимал всю длину окна...

Ветер на время затих. Град уже не был таким интенсивным. Он все еще шел, но помимо звонких ударов о стекла за темным окном доносилось какое-то странное постукивание. И это не было иллюзией – она проснулась; она слышала его. Что могло производить такие звуки? Очередная вспышка молнии – и новый крик! Теперь все стало ясно.

Снаружи за окном на небольшом округлом балконе стояла высокая фигура. Она барабанила ногтями по стеклу, производя тошнотворный звук, похожий на пощелкивание градин. Неимоверный страх парализовал прекрасную девушку. Ей удалось лишь тихо вскрикнуть. С бледным, как мрамор лицом, сжимая ладони в молитвенном жесте и едва сдерживая

удары сердца, которое в ужасе стремилось выпрыгнуть из груди, она застыла, словно статуя, на ложе. Скрип и постукивание ногтей по стеклу продолжались.

Девушка вдруг поняла, что темная фигура за окном стала четче. Длинные руки существа двигались взад и вперед, то ли ощупывая, то ли создавая некий вид прохода. Воздух вокруг фигуры постепенно наполнялся странным заревом – красным и жутким, все более ярким и впечатляющим. Как оказалось, в мельницу попала молния. Пламя, пожирившее здание, отразилось в мозаичном окне, и все сомнения отпали прочь. Фигура за стеклом стремилась пробраться в комнату. Она царапала витраж ногтями, которые годами не знали ножниц. Девушка попыталась закричать, но ею овладело непонятное оцепенение. Это было ужасно. Ей хотелось вскочить с постели и убежать, однако тело будто бы налилось свинцом. С уст сорвался хриплый тихий шепот:

– Помогите... помогите... помогите!

Она повторяла это слово как человек, увязший в кошмаре. Красное зарево пожараща проникло в комнату. На фоне его высокая и сухопарая фигура за окном стала зловеще рельефной. Тот же нереальный свет озарял портрет на стене, и в мерцающих отблесках пламени мужчина, изображенный на картине, казался до жути живым. Его взгляд был прикован к незваному гостю.

Небольшой кусок стекла упал на пол. В отверстии тут же появилась длинная и тонкая рука, на вид абсолютно лишенная плоти. Освободив затвор шпингалета, она исчезла в дыре, и в тот же миг одна из рам отворилась на ржавых петлях.

А девушка по-прежнему не могли кричать и шевелиться. Из горла вырывался тихий шепот:

– Помогите! Помогите!

На пике опасности перед ее мысленным взором проносились картины прошлого. Душа цеплялась за счастливые моменты жизни, но страх окрашивал их горечью отчаяния.

Фигура повернулась в пол-оборота, и свет упал на ее лицо. Оно было абсолютно белым, абсолютно бескровным. Глаза казались полированным оловом. Губы широко раздвинулись, выставляя напоказ длинные клыки под стать ужасным глазам – клыки лютого хищника – ослепительно белые и влажные от слюны. Станным скольльзящим движением существо приблизилось к кровати. Оно пошевелило пальцами, и загнутые ногти издали лязгающий звук. Ни слова не слетело с губ ночного гостя.

Как она только не сошла с ума – эта юная нежная дева? Страх сковал ее тело. Она даже не могла уже звать на помощь. Голос пропал, но, напрягая все силы, она медленно сдвинулась к другому краю постели – подальше от опасного чудовища. Еще один краткий миг, и ее глаза замутились пеленой очарования. Взгляд змеи не оказал бы на нее такого эффекта, как этот пристальный взор пронзительных нечеловеческих глаз. Пригнувшись вниз и сразу потеряв былую высоту, отвратительный призрак выставил вперед мертвенно-бледное лицо. Но кем он был, и что хотел? Это существо выглядело настолько ужасным, что не походило на обитателей земли. Или все же оно было земным порождением?

Когда девушка сдвинулась к краю постели, фигура остановилась. Казалось, на мгновение она потеряла свою силу. Судорожно смяв пальцами простыню, юная дева сделала несколько коротких вдохов и попыталась вернуть контроль над чувствами. Ее грудь вздымалась и опадала, руки дрожали от напряжения, но она не могла отвести взгляд от мраморно-белого лица. Сверкающие глаза существа держали ее в плену неподвижности.

Буря закончилась. Ветер утих. Церковные часы пробили первый час ночи. Из горла омерзительного гостя вырвалось свистящее шипение. Он поднял длинные тонкие руки, и его губы зашевелились. Костлявая фигура двинулась вперед. Девушка опустила одну ногу на пол. Она бессознательно потянула одеяло к себе, пытаясь прикрыться. В уме замелькали мысли – удастся ли ей добежать до двери? Хватит ли сил на это? И сможет ли она преодолеть

взгляд существа, сломав его чудовищные чары? О, Бог на небесах! Реальность это или сон, похожий на реальность? Кошмарный сон, в котором можно заблудиться?

Фигура вновь остановилась. Она склонилась над кроватью, почти вплотную приблизившись к дрожавшей жертве. Черные волосы девушки ниспадали на голое плечо и нежными каскадами струились по предплечью на простынь. Она медленно, словно во сне, отодвинулась и снова замерла в смиренной позе. Пауза длилась чуть больше минуты, но то был век агонии и страха – вполне достаточное время, чтобы довести любого человека до безумия.

Внезапным броском, который невозможно было предугадать, и с жутким воем, способным превратить любое сердце в лед, ужасный гость метнулся к девушке, схватил локоны ее волос и накрутил их на костлявые руки, затягивая жертву снова на постель. Она закричала. Небеса даровали ей силу на призывы о помощи. Крик следовал за криком. Постельное белье сбилось в груды и упало на пол. Насильник распял несчастную на оголившейся перине. Безжизненные страшные глаза похотливо пробежали по ангельской фигуре девы. Прижав ее голову к краю кровати, он убрал непокорные волосы с прекрасной шеи и в молниеносном выпаде вогнал свои клыки в горло девушки. Хлынула кровь, и вслед за этим последовали тошнотворные сосущие звуки. Бедняжка лишилась сознания, а вампир приступил к ужасной трапезе!

Глава 2

Тревога – Пистолетный выстрел – Погоня и ее последствия

В доме зажигались огни и хлопали двери. Голоса окликали друг друга. Обитатели особняка суетливо выясняли обстоятельства.

– Генри, ты слышал крик? – спросил полуодетый юноша, входя в комнату своего сверстника.

– Слышал. А кто кричал?

– Бог его знает. Я сразу начал одеваться.

– Сейчас все тихо.

– Да, но я проснулся от крика.

– Мы оба от него проснулись. Как ты думаешь, откуда он шел?

– Крик оборвался так внезапно, что я не понял направления.

В дверь комнаты постучали, и женский голос произнес:

– Ради Бога, Генри, поднимайся.

– Мы уже встали, – ответили молодые люди, выходя в коридор.

– Вы что-нибудь слышали?

– Да, крик.

– Надо осмотреть весь дом. Вы не знаете, кто кричал?

– Нет, матушка, не знаем.

К ним подбежал мужчина средних лет. Он задал почти тот же вопрос:

– Великий Боже, что случилось?

Едва слова слетели с его уст, как послышались новые крики, ошеломившие людей своей интенсивностью. Пожилая леди, которую юноши называли матушкой, побледнела и, наверное, упала бы на пол, если бы ее не поддержал мужчина. Пронзительные крики разрезали воздух ночи. Оба юноши замерли на месте. Их будто бы парализовало страхом. Первым пришел в себя мужчина.

– Генри, ради Бога, позаботьтесь о матери. Мне кажется, что эти крики исходят из комнаты Флоры.

Молодой человек механически обнял мать за талию и плечи, а мужчина метнулся назад к своей спальней и через миг вернулся с двумя пистолетами.

– Кто может, следуйте за мной! – крикнул он и побежал по коридору в направлении комнаты, из которой минуту назад доносились крики.

Этот дом строился на века. Дубовые двери были прочными и толстыми. К сожалению, они запирались изнутри, поэтому мужчина, откликнувшийся на зов о помощи, не мог проникнуть в комнату к девушке.

– Флора! Флора! – крикнул он. – Флора, отзовитесь!

Ему никто не ответил.

– О, Господи, мы должны взломать эту дверь!

– Я слышу изнутри какой-то странный шум, – сказал юноша, стоявший рядом с косяком.

Его тело сотрясала дрожь.

– Я тоже, – ответил мужчина. – На что это похоже?

– Не берусь судить, но эти звуки напоминают мне животного, который что-то ест или, вернее, пьет.

– Что же это может быть? И где нам найти орудие, чтобы отжать или выломать дверь? Черт! Еще немного, и я сойду с ума!

– Я кое-что придумал, – воскликнул юноша. – Сейчас вернусь.

Он побежал вниз по лестнице и вскоре вернулся вновь, сжимая в руках небольшой, но прочный железный лом.

– Сгодится?

– Да! Давайте его сюда!

– Она по-прежнему не отвечает?

– Ни слова. У меня дурное предчувствие – похоже, с ней случилась какая-то беда.

– А странный шум? – спросил юноша.

– Он продолжается, и эти жуткие звуки леденят мою кровь.

Мужчина взял лом, с силой вогнал его острый конец между дверью и косяком, а затем всем весом налег на инструмент. Раздался неприятный треск.

– Толкните ее, – крикнул он. – Я отожду замок, а вы толкайте!

Юноша выполнил его просьбу. Какой-то миг дверь не поддавалась. Затем, с громким хрустом и лязгом сломанного запора, она приоткрылась на полдюйма и застряла в косяке.

Странно, но порой мы измеряем время не продолжительностью секунд, а теми событиями, которые случаются в данном пространстве. Для тех, кто взламывал дверь комнаты юной Флоры, каждое мгновение казалось часом агонии, но на самом деле от первого крика о помощи и до громкого лязга поддавшегося запора прошло не больше нескольких минут.

– Она приоткрылась! Приоткрылась! – крикнул юноша.

– Еще немного, и пойдет, – произнес мужчина, орудуя ломом. – Сейчас мы ее освободим. Подождите-ка!

Вслед за этими словами, мужчина, которого звали Маршдел, толкнул дверь плечом, и та широко распахнулась. Генри вбежал в комнату. Возбуждение и торопливость сослужили ему плохую службу, так как ветер, задувавший из открытого окна, едва не загасил свечу в его руке. Какое-то время юноша ничего не видел. Трепещущее и клонящееся на бок пламя свечи было почти бесполезным.

– Флора! Флора! – закричал молодой человек.

Внезапно что-то прыгнуло с постели и врезалось в него. Толчок был настолько сильным и неожиданным, что юношу отбросило к двери. Свеча при падении угасла. Комната вновь погрузилась в темноту, изредка озаряемую тусклым красноватым заревом от горячей поблизости мельницы. Каким бы слабым и дрожащим ни было это сияние, оно высветило контуры существа, приближавшегося в окну.

Генри, почти оглушенный при падении, увидел гигантскую фигуру, едва не задевавшую головой потолка. Ее заметили и остальные – юный Джордж, мистер Маршдел и та леди, которая беседовала с молодыми людьми в коридоре, когда крик девушки вселил тревогу в сердца обитателей этого дома.

Фигура двигалась к окну, намереваясь выйти на балкон и далее спуститься в парк. Переступая порог эркера, она обернулась, и каждый из присутствовавших увидел ее подбородок и губы, залитые кровью. Белые, как олово, глаза, источавший неземную свирепость, заставили людей задохнуться от ужаса. Не удивительно, что мгновение паники парализовало их и не позволило задержать это опасное существо.

Но мистер Маршдел был мужчиной зрелых лет. Объездив эту и многие страны, он повидал в своей жизни немало чудес. Несмотря на страх и изумление, он, в отличии от юных спутников, пришел в себя и начал действовать.

– Не поднимайтесь, Генри, – крикнул Маршдел. – Замрите и не двигайтесь.

В тот же миг он выстрелил из пистолета в гигантскую фигуру, стоявшую в проеме окна. От грохота выстрела в небольшом помещении у всех заложило уши. Пистолет был не какой-то там игрушкой, а настоящим боевым оружием, с достаточной длиной ствола, чтобы позволить пуле разогнаться до убойной мощи.

– Ну, если я сейчас промазал, то больше никогда не прикоснусь к курку, – произнес мистер Маршдел.

Он сделал несколько шагов в направлении твари, которую считал смертельно раненой. Внезапно высокая фигура повернулась к нему, и Маршдел увидел ее лицо. К тому времени хозяйка дома внесла в комнату светильник, который она прихватила из собственных покоев. Взглянув на чудовище при ярком свете, мужчина, несмотря на храбрость и нервное возбуждение, отскочил на шаг и прошептал:

– Великий Боже!

Это лицо невозможно было забыть. Особенно цвет – цвет свежей крови. Глаза, прежде напоминавшие полированное олово, теперь поражали своим интенсивным блеском. Они, став ярче в десять раз, источали жуткое сияние. Рот был открыт. Казалось, даже губы отпрянули в ужасе от длинных окровавленных клыков. Из горла чудовища вырвался вибрирующий вой, и, похоже, оно решило наброситься на мистера Маршдела. Но внезапно, будто по воле какого-то импульса, тварь издала дикую трель визгливого смеха, повернулась и, выбежав на балкон, исчезла во мраке ночи. Напуганные люди с трудом приходили в себя, удивляясь тому, что не умерли от страха.

– Господи, спаси! – воскликнул Генри.

Мистер Маршдел сделал глубокий вдох и топнул ногою об пол, словно стряхивая с себя то состояние паники, в которое вверг его ужасный призрак.

– Кем бы ни была эта мерзкая тварь, я пойду за ней.

– Нет, это безумие! – возразила леди.

– Я должен убить это чудовище! Эх, если бы кто-то помог мне... Но я все равно последую за ним!

С этими словами он распахнул раму эркера и выбежал на балкон.

– Джордж, – крикнул Генри, – давай пойдем вместе с мистером Маршделом. Это дело касается нас больше, чем его.

Мать двух юношей и девушки, к которой наведалься ужасный гость, тут же разразилась криками, умоляя детей остаться дома. Но в этот миг они услышали голос Маршдела:

– Я вижу его! Я вижу! Он крадется к стене!

Юноши больше не колебались. Выбежав на балкон, они спрыгнули на аллею, ведущую в парк. Мать с ужасом приблизилась к постели, на которой лежала бесчувственная, а может быть и мертвая дочь. Увидев кровь на ее шее и груди, а также на промокшей и ставшей красной перине, пожилая леди, потеряв сознание, упала на пол.

Когда юноши оказались в парке, темнота вокруг них отступила. Тут было гораздо светлее, чем они ожидали – и не только из-за того, что приближался рассвет, но и из-за горевшей мельницы. В свете пламени и утренних сумерек каждый объект был четко различим, кроме нескольких глубоких теней от гигантских деревьев, которые веками росли в этом месте. Неподалеку раздался голос мистера Маршдела:

– Сюда! Сюда! К стене! О, Господи, как быстро он бежит!

Молодые люди помчались через заросли в том направлении, откуда доносился голос. Они нашли Маршдела у стены. Тот был явно напуган, и в его руке белело что-то похожее на обрывок одежды.

– Куда эта тварь побежала? – спросил они в унисон.

Мужчина тяжело оперся на руку Джорджа и кивнул в сторону аллеи, петлявшей между деревьями.

– Боже, спаси и сохрани всех нас, – прошептал он дрожащим голосом, – Это не человек. Смотрите! Смотрите! Неужели вы не видите?

Юноши взглянули в указанном направлении. В конце аллеи виднелась парковая стена. Она достигала двенадцати футов в высоту, и уродливое существо, убежавшее из комнаты девушки, делало отчаянные попытки преодолеть это препятствие. Люди видели, как оно прыгало вверх, стремясь зацепиться за кромку ограды, а затем падало на землю с тяжелым и гулким звуком. И казалось, что от тяжести его дрожит земля. Тела людей сотрясал озноб. Их будто приковало к месту. Шли минуты, а они все наблюдали за бесплодными усилиями существа, которое стремилось покинуть парк.

– Что это такое? – хрипло прошептал Генри. – Господи, что это может быть?

– Не знаю, – ответил мистер Маршдел. – Я схватил его за руку. Она была холодной и липкой, как у трупа. Он не человек.

– Не человек?

– Вы только посмотрите. Он сейчас убежит!

– Ну нет! Мы не настолько напуганы! И есть еще Небеса, которые помогут нам. Вперед! Ради чести Флоры, поймаем этого наглого мерзавца!

– Возьмите пистолет, – сказал Маршдел. – Это копия того, из которого стрелял я. Испытайте его силу.

– Он уходит! – вскричал Генри.

В этот миг, после нескольких жутких прыжков и падений, чудовище зацепилось за край стены и, повисев немного на длинных руках, начало подтягиваться вверх. Осознав, что мерзкая тварь может скрыться, мистер Маршдел стряхнул с себя оцепенение и вместе с юношами бросился к стене. Прежде чем вампир успел спрыгнуть по другую сторону ограды, они настолько приблизились к нему, что промахнуться в него было уже невозможно – разве что намеренно. Генри твердой рукой навел оружие, прицелился в спину чудовища и нажал на курок. Раздался выстрел, и пуля вне всяких сомнений попала в цель, поскольку темная фигура, издав пронзительный вопль, упала головой вперед на землю за оградой.

– Я попал в него, – крикнул Генри. – Я попал в эту тварь!

Глава 3

Исчезновение тела – Флора приходит в себя.

Он человек. Я явно убил его.

– Должно быть так, – согласился мистер Маршдел. – Но давайте поспешим на то место, куда он упал, и посмотрим.

Придя к общему согласию, все трое направились к воротам, которые вели в лошадиный загон. Пробежав несколько сот ярдов, они оказались у того участка парковой стены, где, по их мнению, должно было находиться тело существа – пусть и с неземной внешностью, но, к великому облегчению, по-человечески смертного.

Они так спешили, что не имели возможности обсудить ситуацию. От возбуждения перехватывало дух. В пылу азарта они преодолевали такие препятствия, которые в любое другое время заставили бы их свернуть с прямого пути. Кроме того, найти то место, где упало тело, было нелегко, и чтобы не пропустить его, им приходилось бежать вдоль стены. Однако, к их великому удивлению, на всем пути от начала ограды и до ее конца они так не нашли поверженную тварь – и даже следов того, что она лежала на земле.

На некоторых участках у стены рос вереск. Капли крови могли затеряться в гуще растений – при условии, что раненое существо упало как раз в таком месте. В принципе, это можно было выяснить, но теперь, после вторичного обхода вдоль ограды, трое мужчин остановились и обменялись недоуменными взглядами.

– Никого, – сказал Генри.

– И ничего, – добавил его брат.

– Но это не могло нам померещиться, – пожав плечами, возразил мистер Маршдел.

– Померещиться? – в унисон ответили братья.

– Нет, нет! – воскликнул Генри. – Мы видели эту тварь.

– Как же объяснить ее исчезновение?

– О, небеса! Не знаю. Это событие смутило мою веру, и если бы мы не были в нем замешены, я отнесся бы к нему, как к чистому вымыслу.

– А я – как к кошмару, – добавил Джордж. – Генри, ради Бога, давай вернемся в дом и узнаем, жива ли Флора.

– Мое внимание было так поглощено этой ужасной тварью, – ответил Генри, – что я почти не рассмотрел сестру. Но судя по тому, что я увидел, она была мертва. О Боже, помоги нашей бедной Флоре. Какая печальная участь была ей уготовлена судьбой. Ах, Флора! Флора...

– Генри, не плачь, – сказал Джордж. – Давай лучше поспешим домой и узнаем, не преждевременны ли эти слезы. Возможно, она жива и уже пришла в себя.

– И, может быть, она расскажет нам об этом призраке, – добавил мистер Маршдел.

– Да, вы правы, – согласился Генри. – Поспешим домой.

Мужчины направились к парадному крыльцу, виня себя за то, что все трое безрассудно оставили дом. Фантазия, приправленная страхом, рисовала им картины того, что могло случиться в их отсутствие с абсолютно незащитными жильцами особняка.

[See page 13.

which your sister attaches so extraordinary a meaning."

The blind was drawn up, and a strong light was thrown into the room. For full two minutes Mr. Chillingworth attentively examined the two small wounds in the neck of Flora. He took a powerful magnifying glass from his pocket, and looked at them through it, and after his examination was concluded, he said,—

"They are very trifling wounds, indeed."

"But how inflicted?" said Henry.

"By some insect, I should say, which probably—it being the season for many insects—has flown in at the

– Мы поступили опрометчиво, бросившись втроем в погоню за ужасной тварью, – произнес мистер Маршдел. – Но терзайте себя, Генри. Пока для страхов нет причины.

Тем не менее, они ускорили шаг и почти бегом направились к старому зданию. Во всех окнах особняка горел свет и порою мелькали тени людей, указывая на то, что обитатели дома находились в состоянии тревоги. Генри пришлось долго и настойчиво стучать в дверь, прежде чем им открыла испуганная служанка. Она так сильно дрожала, что едва держала свечу в руке.

– Марта, скажите, – крикнул Генри. – Флора жива?

– Да, но...

– Этого достаточно. Слава Богу, сестра жива. Где она сейчас?

– В своей комнате, хозяин. Ах, бедняжка, бедняжка, что же с ней теперь будет?

Генри, а за ним Джордж и мистер Маршдел, взбежали вверх по лестнице на второй этаж. Молодые люди заглянули в комнату сестры.

– Матушка, вы здесь? – переступив порог, спросил: Генри.

– Да, я здесь, мой милый. Входите и молитесь Богу о здоровье Флоры.

– Мистер Маршдел, мы просим вас тоже зайти, – сказал Генри. – Вы для нашей семьи не чужой.

Мужчины прошли в комнату. В спальне теперь горело несколько свечей, а рядом с матерью семейства стояли две служанки. Они были настолько напуганы, что вряд ли могли оказать какую-то помощь. По щекам хозяйки катились слезы. Увидев мистера Маршдела, она вцепилась в его руку и вскричала:

– Что это был за призрак? Скажите мне, Маршдел! Вы можете не жалеть моих чувств, Роберт Маршдел, ибо мы дружны с вами с детства. Скажите мне, что произошло?

– Я не знаю, – взволнованно ответил мужчина. – Бог мне судья, но я так же потрясен и озадачен этой сценой, как и вы.

Мать заломила руки, продолжая плакать.

– Меня разбудили звуки бури, – добавил Маршдел. – Потом я услышал крик.

Юноши, дрожа, приблизились к постели. Флора сидела, откинувшись спиной на подушки. Она была без чувств. Ее лицо казалось белым, словно мел, а слабое дыхание едва угадывалось. На одежде, большей частью у шеи, виднелись пятна крови. Она выглядела как жертва долгой и мучительной болезни, и братьям почти не верилось, что еще день назад их сестра была в расцвете сил, лучась здоровьем и весельем.

– Она спит? – спросил Генри, уронив слезу на мертвенно-бледную щеку девушки.

– Нет, – ответил мистер Маршдел. – Это обморок, из которого мы должны ее вывести.

Применив активные меры по восстановлению кровообращения и упорно используя их какое-то время, они с облегчением увидели, как девушка открыла глаза. Однако, придя в сознание, она снова начала звать на помощь и кричала до тех пор, пока Генри не заставил ее осмотреться по сторонам. Увидев вокруг себя знакомые лица друзей и родных, она затихла и робко осмотрела собравшихся людей. Затем, содрогаясь от пережитого ужаса, девушка расплакалась и невнятно зашептала:

– О, небеса, пожалейте меня! Даруйте мне милость и спасите от ужасного призрака!

– Флора, здесь нет никакого призрака, – сказал мистер Маршдел. – Рядом с вами собрались люди, которые любят вас и которые ради вашей безопасности не пожалеют собственные жизни.

– Господи! О, Господи!

– Вы сейчас очень напуганы. Но прошу вас, расскажите, что случилось? Вам теперь ничто не угрожает.

Бедняжка так дрожала, что мистер Маршдел рекомендовал дать ей какой-нибудь спиртной напиток. Девушку уговорили, хотя и с трудом, проглотить из кубка небольшую порцию вина. Вне всяких сомнений стимулирующий эффект напитка оказался полезным. Ее щеки слегка порозовели, а в голосе появилась большая твердость.

– Не покидайте меня, – произнесла она. – Не оставляйте меня одну. Я умру от страха, если вы уйдете. Спасите меня! Спасите! Ужасная тварь! Какое мерзкое лицо!

– Милая Флора, расскажи нам, что произошло, – попросил ее Генри. – А потом ты выплывешь, и страх пройдет.

– Нет! Нет! – закричала она. – Я больше никогда не смогу заснуть!

– Не говори так, сестра. Через несколько часов ты успокоишься. Тогда мы и выслушаем твой рассказ о том, что с тобой приключилось.

– Я расскажу... Я расскажу вам об этом сейчас.

Она на миг закрыла лицо ладонями, будто собирая воедино разбежавшиеся мысли.

– Меня разбудила буря, и я увидела в окне ужасный призрак. Мне хотелось закричать, но я не могла произнести ни слова. О Боже! Я не могла пошевелиться. Эта тварь приблизилась. Она схватила меня за волосы! Потом я ничего не помню... Не помню...

Девушка несколько раз подносила руку к шее, и, заметив это, мистер Маршдел встревожено спросил:

– Флора, он порезал вашу шею? О, Господи, какая рана!

– Из здесь две, – подтвердила мать и поднесла светильник к ложу.

Все увидели на горле Флоры два небольших, но глубоких пореза – вернее, два прокола в полутора дюймах друг от друга. Из ран сочилась кровь, стекавшая на ворот кружевной сорочки.

– Чем он тебя? – спросил Генри.

– Не знаю, – ответила девушка. – Но я чувствую себя слабой, словно умираю от потери крови.

– Ты не умрешь, милая Флора. Судя по пятнам на одежде и перине, кровотечение было сильным, но не таким уж и большим.

Внезапно мистер Маршдел оперся рукой на резное изголовье кровати и тихо застонал. Все повернулись к нему. Генри, стараясь скрыть волнение, спросил:

– Вы что-то хотели сказать, мистер Маршдел? У вас появилась догадка, способная пролить свет на это странное нападение?

– Нет, нет, никаких догадок, – ответил Маршдел, усилием воли выходя из депрессии, в которую он впал. – Мне нечего вам сказать. Но я думаю, что Флоре сейчас не помешало бы поспать – если она, конечно, сможет.

– Я не желаю спать! – вскричала девушка. – Я больше не отважусь спать одна.

– Но ты не останешься одна, дорогая Флора, – успокоил ее Генри. – Я сяду рядом и буду присматривать за тобой.

Она взяла его руку в свои ладони, и слезы покатались по ее щекам.

– Обещай мне, Генри, – взмолилась Флора, – что ты не оставишь меня одну – даже за все дары небес.

– Я обещаю.

Девушка мягко откинулась на подушки и с глубоким вздохом облегчения закрыла глаза.

– Она слаба, – произнес мистер Маршдел. – Ее сон будет долгим.

– Мне не дает покоя ваша реакция, – сказал Генри. – Я уверен, что ваше сердце терзают ужасные мысли.

– Тише, тише, – ответил мистер Маршдел, указав на Флору. – Об этом позже. И не здесь.

– Я понимаю, – согласился Генри.

– Пусть она спит.

Несколько минут в комнате стояла тишина. Флора погрузилась в глубокий сон. Молчание нарушил Джордж.

– Мистер Маршдел, посмотрите на портрет.

Он указал на картину. Взглянув на нее, Маршдел опустился в кресло.

– О, небеса! – воскликнул он. – Какое сходство!

– Не могу поверить, – прошептал потрясенный Генри. – Те же глаза.

– А контуры лица! И этот странный изгиб рта!

– Точно! Точно!

– Панель с картиной следует убрать отсюда. Если Флора проснется и увидит эти жуткие глаза, они могут пробудить в ее уме весь ужас пережитого события.

– Неужели он так похож на злодея, проникшего сюда? – спросила мать семейства.

– Это одна и та же персона, – ответил мистер Маршдел. – Могу ли я на правах человека, прожившего в доме немалый срок, узнать, чей это портрет?

– Сэра Мармадюка Баннерворта – нашего предка, который в угоду своим порокам нанес огромный ущерб имуществу моей семьи.

– Ах, так! Когда же это было?

– Почти девяносто лет назад.

– Девяносто лет? Это долгий срок.

– Вы находите какую-то связь...?

– Нет, нет, – ответил мистер Маршдел. – Мне хотелось бы успокоить вас, но я боюсь...

– Чего?

– Я должен вам кое-что сказать. Но только не здесь. Давайте обсудим это утром... Да, лучше утром. Не сейчас.

– Рассвет уже близок, – согласился Генри. – Я должен выполнить свое обещание. И я никуда не уйду из этой комнаты, пока Флора не проснется и не откроет глаза. Но было бы бессмысленно задерживать здесь остальных. Моей охраны будет вполне достаточно. Ступайте к себе и постарайтесь отдохнуть.

– Я принесу вам пороховницу и пули, – предложил мистер Маршдел. – При желании вы сможете перезарядить эти пистолеты. Еще пару часов, и наступит день.

Его предложение было принято. Генри перезарядил пистолеты и положил их на стол у изголовья кровати, чтобы в случае необходимости воспользоваться ими без лишних промедлений. Убедившись, что Флора спит, все остальные покинули комнату.

Миссис Баннерворт ушла последней. Она хотела остаться, но Генри настоял на том, чтобы мать вернулась к себе в спальную и попыталась возобновить свой прерванный сон. Пожилая леди была настолько сломлена тревогой за здоровье Флоры, что даже не могла сопротивляться. Рыдая и качая головой, она отправилась в свои покои.

Ночная тишина окутала злосчастный особняк, и хотя, кроме Флоры, в нем никто не спал, дом погрузился в напряженное молчание. Тревожные предчувствия и мысли отгоняли сон. Покой в постели казался обидной насмешкой. Генри, терзаясь странными и горькими чувствами, с беспокойством вспоминал рассказ Флоры. Несмотря на глубокую задумчивость он не спускал с нее глаз. А она спала – спала, как невинный ребенок, уставший от игр и забав.

Глава 4

Утро – Совет – Страшное предположение.

Как удивительно разнятся впечатления и чувства в отношении тех же самых событий, когда наш ум воспринимает их при ясном свете дня или когда, теряя объективность, он попадает в тень глубокой ночи и отдает себя во власть воображения. Этот эффект столь значителен и универсален, что ему должна быть очевидная причина. Возможно, солнечные лучи так изменяют состав атмосферы, что она воспроизводит некий неизвестный газ, который при вдыхании и создает то удивительное воздействие на нервы человеческого организма.

Мы не можем объяснить этот феномен иным способом. Но что касается Генри Баннерворта, то юноша ни разу в жизни не ощущал это смещение чувств с такой небывалой резкостью и силой, как в те мгновения, когда дивный свет чудесного утра наполнил комнату, где он нес свою вахту у ложа спящей сестры.

Его дежурство прошло спокойно. По крайней мере, он не заметил никаких попыток вторжения. Ни звука, ни шороха – все было тихо, как в могиле. Однако, пока длилась ночь, и когда он больше полагался на сияние свечи, стоявшей на каминной полке, чем на призрачный свет зарождавшегося утра, в его взволнованной груди обосновались сотни странных и тревожных предчувствий.

Генри часто вглядывался в портрет на стене, и каждый раз, когда он отводил глаза, его пробирало волной необъяснимого страха. Убеждая себя не смотреть на зловещую картину, он каждый раз поступал иначе и, в конце концов, пришел к более мудрому решению – не спускать с портрета глаз. Передвинув кресло так, чтобы смотреть на картину без лишних усилий, юноша перенес свечу на стол. Ее сияние теперь освещало портрет и не слепило глаза. Он сел в кресло, став жертвой многих противоречивых чувств, и не менял свое позы до тех пор, пока пламя свечи при свете дня не стало казаться тусклым и слабым.

События прошлой ночи не укладывались в его голове. Он напрасно побуждал свой разум найти какой-то смысл – пусть даже смутный. Но его усилия не приводили ни к чему. Он лишь терялся в зыбком мраке глубочайшей тайны.

И странно – глаза портрета смотрели прямо на него! В них искрилась жизнь, будто голова, которой они принадлежали, стремилась проникнуть своим взором в душу молодого человека. Это был великолепно сделанный портрет – настолько точный и правдоподобный, что создавал у зрителей иллюзию ответного взгляда.

– Надо будет убрать его, – сказал себе Генри. – Я бы снял эту картину сейчас, но, похоже, панель прибита к стене. Если я начну ее отрывать, то разбужу и испугаю Флору.

Он встал и убедился в верности своих предположений. Тут требовался плотник, с клещами и ломом.

– Конечно, я мог бы вырезать полотно из рамы, но мне не хочется портить такой шедевр и потом сожалеть об этом. Мы снимем его днем и повесим в одной из зал особняка.

Внезапно Генри понял, что уносить портрет из комнаты было бы глупо. После нынешней ужасной ночи эта спальня, наверняка, останется необитаемой, и Флора вряд ли согласится спать в том месте, где испытала столько страха.

– Я оставлю тебя здесь, – сказал он портрету. – При желании мы даже заколотим дверь в эту комнату, чтобы никто больше не вспоминал о тебе.

Утро быстро вступало в свои права, и не успел Генри подумать о том, что нужно прикрыть окно и не дать лучам солнца попасть на лицо сестры, как девушка проснулась.

– На помощь! Спасите! – закричала она.

Генри метнулся к ней.

– Ты в безопасности, Флора. Тебе ничто не угрожает.

– Где он? – спросила девушка.

– Кто? О ком ты говоришь, сестра?

– Об ужасном призраке. Ах, чем я заслужила это наказание?

– Забудь о нем, Флора.

– Но как забыть?! Мой ум в огне! И кажется, что миллионы странных глаз следят за мной со всех сторон.

– О, небеса! – прошептал ее брат. – Она бредит.

– Слышишь? Слышишь? Он летит на крыльях бури. Это ужасно! Ужасно!

Генри позвонил в колокольчик – в полсилы, чтобы не поднять тревоги. Звук достиг слуха матери, и через несколько мгновений она вбежала в комнату.

– Сестра проснулась, – сообщил ей Генри. – Но она заговаривается. Я думаю, что это бред. Ради Бога, успокойте Флору и верните ее рассудок в нормальное состояние.

– Я попытаюсь, Генри. Я попытаюсь.

– И еще мне кажется, что если мы вынесем сестру из этой комнаты и поместим ее в другом крыле дома, то она быстрее отвлечется от своих навязчивых мыслей.

– Да, да, мы так и сделаем. Ах, Генри! Что же это было? Скажи мне, что ты думаешь?

– Я потерялся в море диких домыслов. Не знаю, матушка. Не знаю. Где мистер Маршдел?

– В свое спальней.

– Я пойду к нему и спрошу его совета.

С этими словами Генри вышел из комнаты и направился в покои мистера Маршдела. Пройдя полпути по коридору, он не удержался и взглянул в окно на лик природы.

Как это часто случается, ужасная буря, бушевавшая ночью, очистила воздух и напитала его бодростью и силой. Пасмурная погода и тяжесть в атмосфере, одолевавшая людей вот уже несколько дней, сменились на голубизну небес и восхитительную свежесть.

Утреннее солнце сияло необычно ярко. Птицы пели на каждом дереве и на каждом кусте. Все было приятно глазу и душе – настолько благостно, что сердце замирало. При виде этой дивной красоты Генри на миг показалось, что жизнь идет по старому, в привычном ритме их дома. Семейство Баннервортов не отличалось от других людей. Время от времени их тоже настигали болезни и удары злой фортуны. Но теперь все изменилось – в их дом вошло что-то невообразимо страшное и непонятное.

Мистер Маршдел не спал и был уже одет. Судя по всему, он находился в омуте тревожных размышлений. Увидев Генри, он спросил:

– Я полагаю, Флора уже проснулась?

– Да, но ее ум расстроен.

– Мне кажется, это от телесной слабости.

– При чем здесь телесная слабость? Сестра была сильна и здорова. За всю свою жизнь она ни разу не болела, и на ее щеках всегда алел румянец. Как за одну лишь ночь она могла стать слабой – тем более, настолько слабой?

– Генри, – печально ответил мистер Маршдел, – пожалуйста, присядьте. Вы знаете, я не суеверный человек.

– О, в этом я могу поклясться.

– Однако я ни разу в жизни не был потрясен настолько сильно, как нынешней ночью.

– Еще бы!

– У меня возникла страшная догадка. Догадка, которую подкрепляют все новые и новые обстоятельства. Догадка, о которой я боюсь говорить и которую еще вчера, в этот час, подверг бы презрительным насмешкам.

– Прошу вас объясниться, сэр!

– Да, да, конечно. Но никому не говорите о том, что я вам скажу. Пусть это ужасное подозрение останется между нами, Генри Баннерворт.

– Я теряю терпение.

– Так вы обещаете?

– Что именно?

– То, что никому не повторите мои слова.

– Я обещаю.

– И клянётесь честью?

– Да, я клянусь вам честью!

Мистер Маршдел встал, подошел к двери и выглянул в коридор, желая убедиться в том, что их никто не подслушивает. Удостоверившись, что они одни, он придвинул стул поближе к креслу, на котором сидел Генри, и тихо произнес:

– Вы когда-нибудь слышали о странном и страшном суеверии, широко распространенном в некоторых странах? О вере в неких существ, которые никогда не умирают?

– Никогда не умирают?!

– Да. Иными словами, вы когда-нибудь слышали... Господи! Я даже боюсь произносить это слово.

– Говорите же! О, небеса! Я должен это услышать.

– Я имею в виду вампиров!

Генри вскочил с кресла. Он дрожал от избытка эмоций. На его бровях появились капельки пота. Хриплым и будто не своим голосом он спросил:

– Вы думаете, это был вампир?!

– Тот, кто, питаясь человеческой кровью, продлевает свое мерзкое существование. Тот, кто не пьет и не ест, как другие люди.

Генри рухнул в кресло и издал тоскливый стон.

– Я чувствую в своем сердце такую же боль, как и вы, – произнес мистер Маршдел. – Но мой разум смущен, и я не знаю, что делать.

– О Боже! Великий Боже!

– Прошу вас, не поддавайтесь так охотно вере в предрассудок.

– Не поддаваться вере? – вскричал Генри.

Он снова вскочил на ноги и поднял правую руку над головой.

– Нет, во имя небес и Бога, который правит миром, я не верю в такую чудовищную возможность.

– Мне остается только аплодировать вашим словам, хотя я сам готов признать существование вампиров – и это ужасно. Я просто говорю вам сейчас о том, что оформилось в моем уме. И вы должны это понять, прежде чем услышите остальное.

– Я постараюсь, – ответил Генри.

– Меня удивляет, что такая догадка не пришла и к вам.

– Нет, я не принял бы ее, мистер Маршдел. Она слишком ужасна, чтобы найти какой-то отклик в моем сердце. Ах, Флора, несчастная Флора! Если на тебя действительно напал вампир, то вряд ли твой рассудок оправится от этого удара.

– Не позволяйте никому внушать ей такую идею, Генри. Что же касается меня, то я лучше вырву себе язык, чем когда-либо упомяну при ней об этом.

– И я! Великий Боже! Меня бросает в дрожь от мысли... Даже от самой возможности. Но нет, этого не может быть! Я не верю, что Флора лишится рассудка.

– Я тоже не верю.

– Иначе где же справедливость, доброта и милосердие небес. Нет, я не верю в это!

– Отлично сказано, Генри. Но теперь, отбросив глупую гипотезу о том, что Флору навещал вампир, давайте серьезно обсудим события, происшедшие в доме.

– Мне сейчас не до этого.

– Нет, давайте разберемся. Если нам удастся найти какое-то логическое объяснение, то мы используем его, как якорь спасения для наших душ.

– Поступайте, как считаете нужным. Вы плодовиты на идеи, Маршдел. Ради небес и ради нашего брэнного мира найдите нам другое объяснение – пусть более сложное, но менее ужасное, чем то, которое вы уже предложили.

– Однако пули пистолетов не принесли ему вреда, а на шее Флоры остались следы его визита.

– Покоя! Я прошу покоя! Умоляю вас, не приводите мне причины, из-за которых я буду вынужден принять ваше мрачное и ужасное предположение. Не делайте этого, Маршдел, если любите меня!

– Вы знаете об искренности моих чувств, и все же, помоги нам Боже!

Голос Маршдела дрогнул, и он отвернулся к окну, чтобы скрыть наворачнувшиеся слезы, которые, вопреки всем стараниям, появились в его глазах.

– Вы знаете, что остаток ночи я просидел у ложа моей сестры, – после долгой паузы добавил Генри.

– Да. И что?

– Как вы считаете, он может вернуться?

– Даже боюсь представить себе такую ужасную возможность, Генри. Но с этого дня я охотно разделю с вами ночные дежурства.

– Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь, Маршдел?

– Абсолютно. Я уже думал об этом, Генри. Какие бы опасности ни грозили вашему дому, я разделю их с вами.

– Благодарю. Но только ничего не говорите Джорджу. Он очень восприимчив, и идея о вампире может повредить его рассудок.

– Я буду нем, как рыба. И прошу вас, Генри, пусть вашу сестру перенесут в другую комнату. Вид стен и окна могут воскресить в ее уме кошмарные воспоминания.

– Я позабочусь об этом. А что вы скажете насчет портрета и его идеального сходства с ночным визитером?

– Да, сходство потрясающее. Вы хотите убрать портрет из комнаты?

– Хотел, но передумал. Панель с картиной прибита к стене. Мы можем ее испортить. Пусть портрет остается в комнате – все равно там никто не будет жить. Я в этом почти уверен.

– Да, похоже, вы правы.

– Сюда кто-то идет? Я слышу шаги.

В тот же миг в дверь постучали, и в ответ на предложение войти на пороге появился Джордж. Он выглядел больным и бледным. Судя по его лицу, остаток ночи он провел в тяжелых размышлениях. Войдя в спальную Маршдела, юноша печально признался:

– Я знаю, что вам не понравятся мои слова. Но я не в силах удерживать их более, поскольку они разрушают меня.

– О, Господи, Джордж! И что же это? – спросил мистер Маршдел.

– Говори! – велел брату Генри.

– Я все утро размышлял о происшедшем, и в результате у меня возникла жуткая догадка, которой мне необходимо поделиться с вами. Вы когда-нибудь слышали о вампирах?

Генри тяжело вздохнул. Маршдел не произнес ни слова.

– Да, я говорю о вампирах, – добавил Джордж с тем возбуждением, которое всегда было присуще ему. – Это ужасное предположение, но мне кажется, что нашу бедную Флору посетил вампир. Я схожу с ума от такой возможности!

Он сел и, закрыв лицо руками, горько разрыдался.

– Джордж, – сказа Генри, улучив момент, когда эмоции брата немного улеглись. – Успокойся, Джордж, и постарайся выслушать меня.

– Я слушаю, Генри.

– Ты не единственный, кому в нашем доме пришла эта ужасная догадка.

– Я не единственный?

– Да. Мистер Маршдел высказал такое же предположение.

– Святые небеса!

– Он поделился со мной этой ужасной идеей, но мы решили отвергнуть ее.

– Отвергнуть?

– Да, отвергнуть, Джордж.

– И все же...

– Тише! Тише! – воскликнул Генри, обрывая брата на полуслове. – Я знаю, что ты хочешь сказать. Конечно, любое отрицание не в силах повлиять на свершившийся факт. Мы это понимаем и тем не менее сознательно отрекаемся от убеждений, которые могут свести нас с ума.

– И что вы намерены делать?

– Держать эту догадку при себе и, прежде всего, хранить ее от Флоры.

– Ты думаешь, что она не знает о вампирах?

– Во всех тех книгах, которые сестра собрала в своей коллекции, я не заметил ни одного намека на это страшное суеверие. Но если она слышала о них, то мы отдадимся на волю обстоятельств и сделаем все возможное для ее здоровья и благополучия.

– Я молю небеса о том, чтобы Флора никогда не узнала об этих тварях!

– Мы присоединяемся к твоей молитве, Джордж, – сказал Генри. – С этой ночи я и мистер Маршдел собираемся нести дежурство у ее постели.

– А можно и мне присоединиться к вам?

– К сожалению, Джордж, твое здоровье не позволяет тебе участвовать в таких дежурствах. Лучше займись своими делами и оставь эту жуткую обязанность нам. Мы сделаем все, что в наших силах.

– Как скажешь, брат. Как скажете, мистер Маршдел. Я понимаю, что мое здоровье хрупко, словно сухой тростник, но мысли о вампире доводят меня до изнеможения. Истина в том, что я напуган – ужасно напуган. Мне кажется, что я, как и моя бедная сестра, уже никогда не смогу заснуть.

– Не поддавайтесь этому чувству, Джордж, – сказал Маршдел. – Если вы позволите обстоятельствам овладеть вам, то лишь добавите тревог своей несчастной матери. Вы же знаете, как она переживает за всех вас. И как старый друг семьи, я прошу не выказывать своих эмоций в ее присутствии.

– Ради спокойствия матушки я готов стать даже лицемером, – печально ответил Джордж.

– Это не лицемерие, Джордж, – сказал Генри... – И такой обман всегда достоин оправдания.

День продолжался, а бедняжка Флора оставалась в том же бредовом состоянии. После полудня Генри решил прибегнуть к помощи медика и отправился в соседний город, где, как он знал, обитал довольно знающий лекарь. Генри хотел рассказать этому джентльмену о печальном недуге Флоры, предварительно взяв с него обещание о сохранении тайны. Но прежде чем юноша добрался до города, он понял, что конфиденциальность встречи уже ни к чему.

Озабоченный другими проблемами, Генри выпустил из виду то, что слуги тоже в курсе дел. И им ничто не мешало излагать эту историю во всех ее подробностях. Конечно же они не упустили такой возможности для сплетен и притворных вздохов. Пока Генри размышлял

о том, как действовать в сложившейся ситуации, новость о ночном нападении вампира на Флору Баннерворт – а слуги в этом нисколько не сомневались – разлетелась по всей округе.

По пути Генри встретил владельца небольшого поместья, и знакомый ему джентльмен, придержав своего коня, завел беседу:

– Доброе утро, мистер Баннерворт.

– Доброе утро, – ответил Генри.

Он хотел было поехать дальше, но мужчина добавил:

– Извините, что вмешиваюсь, сэр, но что это за история о вампире, о которой здесь все болтают?

Генри был настолько поражен, что едва не свалился с лошади. Развернув коня, он спросил:

– Нежели все?

– Да. Я слышал ее уже от дюжины людей.

– Вы удивляете меня.

– Так это неправда? Конечно, я не настолько суеверен, чтобы верить в вампиров, но ведь дыма без огня не бывает, верно? Обычно мы находим в комке таких сплетен ядро действительных событий, вокруг которых создается слух.

– Моей сестре нездоровится.

– Ах, вот как! Это плохо.

– И еще прошлой ночью к нам проник какой-то человек.

– Я полагаю, вор?

– Мне тоже так кажется. Он пробрался в комнату сестры и напугал ее до потери чувств.

– А потом невежественные люди придумали историю о вампире и ранах на шее девушки.

– Да, да.

– Тогда желаю вам счастливого пути, мистер Баннерворт.

Раздосадованный тем, что дело получило публичную огласку, Генри попрощался с джентльменом и вонзил шпоры в бока своей лошади. Он решил не разговаривать ни с кем на эту щекотливую тему. Несколько знакомых пытались остановить его, но Генри лишь махал им рукой и, не сбавляя темпа, проносился мимо. Так, без единой задержки, он домчался до дома мистера Чиллингворта – медика, с которым Генри хотел посоветоваться.

Юноша знал, что в такое время дня доктор обычно бывает дома. Тот действительно оказался на месте, и вскоре Генри предстал перед ним, умоляя терпеливо выслушать его рассказ. Получив согласие и не упуская ни единой подробности, он поведал медику о том, что случилось с Флорой. Когда Генри закончил свои объяснения, доктор несколько раз изменил свою позу и, в конце концов, спросил:

– Это все?

– Да. А разве не достаточно?

– Даже более, чем достаточно, мой юный друг. Вы поставили меня в тупик.

– Сэр, возможно, у вас появилось какое-то предположение?

– Пока еще нет. А сами вы что думаете?

– Я не смею говорить об этом. Мой брат Джордж убежден, что в нашем доме побывал вампир, но лично мне его идея кажется абсурдной.

– Тем не менее я еще никогда не слышал более убедительной истории в пользу этого ужасного суеверия.

– Сэр, неужели вы верите...

– Верю во что?

– В то, что мертвые могут снова возвращаться к жизни и, питаясь кровью, восстанавливать свою былые силы.

– Вы принимаете меня за дурака?

– О, сэр! Конечно, нет!

– Тогда почему вы задаете мне такие вопросы?

– Но как же быть с неоспоримыми фактами?

– Ваши факты могут быть какими угодно. Я им все равно не поверю. Мне проще думать, что вы сошли с ума – вся ваша семья. Что полнолуние помutilo ваш разум.

– Мне тоже было бы так проще думать.

– Возвращайтесь домой. Через два часа я приеду к вам и осмотрю вашу сестру. Возможно, мне удастся пролить свет на эти странные обстоятельства.

Расстроенный юноша отправился домой. Избегая назойливых вопросов, он всю дорогу прищипывал коня и добрался до особняка без лишних объяснений всем и каждому о том, что терзало его душу. К тому времени солнце стало клониться к вечеру, и прежде чем заняться другими делами, Генри решил узнать, как изменилось состояние сестры в его отсутствие.

Оказалось, что ей стало немного лучше. Когда он вошел, Флора спала. Но затем она проснулась и заговорила тихо и бессвязно – очевидно, ночное потрясение сильно повлияло на ее нервы. Генри тут же вернулся к кровати, склонился над сестрой и нежно спросил:

– Флора, милая Флора, тебе уже лучше?

– Генри, это ты?

– Да, дорогая.

– Скажи мне, что случилось?

– Разве ты не помнишь, Флора?

– Я помню, но кто это был? Генри, почему все уклоняются от этого вопроса?

– Успокойся, милая. К нам в дом пробрался вор.

– Ты уверен?

– Да. Эркер очень удобен для проникновения, но теперь мы перенесли тебя в другую часть дома, так что можешь не бояться повторений этого визита.

– Я едва не умерла от страха. Даже теперь я вижу перед собой эти страшные сияющие глаза. Ах, Генри! Какой ужас! Я пропала. Не жалея меня, и пусть никто не остается со мной этой ночью.

– Ты зря боишься, Флора. Я намерен сидеть у твоей постели, с оружием в руках. И клянусь, никто не причинит тебе вреда.

Она вцепилась пальцами в его ладонь и страстно зашептала:

– Ты останешься со мной? Мой добрый брат! А может быть, тебе не стоит подвергать себя такому риску!

– Тут нет никакого риска, Флора.

– Тогда я буду спать спокойно, зная, что ты не позволишь ужасному вампиру добраться до меня.

– Кому?!

– Вампиру. Генри, это был вампир.

– Господи! Да кто тебе сказал об этом?

– Никто. Я читала о вампирах в книге «Путешествие по Норвегии», которую подарил нам мистер Маршдел.

– Увы! Увы! – воскликнул Генри. – Но прошу тебя, выброси эту идею из головы.

– Разве можно выбросить идею? Мы не имеем такой власти над своим рассудком.

– Да, ты, пожалуй, права.

– Но что это за звуки? Мне кажется, я слышу шум. Генри, если ты захочешь уйти, то позови ко мне кого-нибудь сначала. Или это мне послышалось?

– Возможно, кто-то хлопнул дверью, дорогая.

– Значит, звуки были?

– Да, похоже, были.

– Ты успокоил мою душу. Иногда мне кажется, что я лежу в могиле и что страшный вампир пожирает мою плоть. Говорят, что их жертвы тоже становятся вампирами и что у этих несчастных людей появляется та же неумная страсть к человеческой крови. Разве это не ужасно?

– Тебе незачем расстраивать себя такими мыслями, Флора. Скоро к нам приедет мистер Чиллингворт, и он вылечит тебя.

– Он может лечить психические болезни?

– А кто тебе сказал, что у тебя психическая болезнь? Твой рассудок вполне здоров, хотя и истощен серьезным потрясением. Милая Флора, мы должны благодарить небеса за то, что ты перенесла это испытание без опасных последствий.

Девушка тяжело вздохнула и ответила:

– Да, небеса помогли мне. Но не знаю, Генри... Ужасная тварь схватила меня за волосы. Я пыталась вырваться и убежать, но она потащила меня к себе. Это было грубо и больно. А потом я почувствовала, что с моим сознанием происходит что-то странное. Я начала сходить с ума. Его тусклые и мертвые глаза приблизились ко мне. Я почувствовала горячее зловонное дыхание... О, нет! На помощь! Помогите!

– Тише, Флора, тише! Посмотри на меня!

– Да, я уже успокоилась. Он впился клыками в мое горло. А затем... Я упала в обморок?

– Ты была без чувств. Но давай молиться о том, чтобы все это оказалось игрой твоего воображения. Хотя бы по большей части...

– Ты же видел его!

– Да, я видел.

– Вы все его видели!

– Это был какой-то мужчина... Вор. Должно быть, вор. А что касается внешности, то он, скорее всего, воспользовался маской.

– У нас что-то украли?

– Нет. Ты вовремя подняла тревогу.

Флора покачала головой и тихо сказала:

– Это существо не было смертным человеком. Ах, Генри! Лучше бы я умерла. Как мне дальше жить, если это действительно был вампир?! Я и сейчас еще слышу его дыхание.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – попросил опечаленный Генри. – Ты только вредишь себе этими фантазиями.

– Но, брат, это не фантазии!

– Фантазии, поверь.

– В моем уме какое-то смятение, и сон приходит вдруг, когда его совсем не ожидаешь. Генри! Милый Генри! Я больше никогда не буду прежней Флорой.

– Не говори так, сестра. Все забудется, как сон, и в твоей памяти останется лишь легкий след воспоминаний. Пройдет немного времени, и ты будешь удивиться тому, что находилась сейчас под таким впечатлением.

– Генри, ты говоришь прекрасные слова, но они идут не от сердца. Что это? О, нет! Неужели он снова пришел за мной?

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла мать Флоры.

– Это я, мое золотце. Генри, к нам приехал доктор Чиллингворт. Он ждет тебя в столовой.

Повернувшись к Флоре, юноша спросил:

– Ты ведь повидеешься с ним, дорогая сестра? Это доктор Чиллингворт, и ты его прекрасно знаешь.

– Да, Генри, да. Я повидаюсь с ним и с кем угодно, если ты так просишь.

Юноша выглянул в коридор и велел служанке пригласить к ним мистера Чиллингворта. Через несколько минут доктор вошел в комнату и приблизился к постели Флоры. Он с интересом осмотрел бледное лицо девушки, и в его глазах промелькнуло сочувствие.

– Мисс Баннерворт, я слышал, у вас был ужасный сон?

– Сон? – переспросила Флора, пытаясь сфокусировать свои прекрасные глаза на лице доктора.

– Насколько я понял, да.

Она содрогнулась, но промолчала.

– И что это был за сон? – настаивал Чиллингворт.

Флора заломила руки и застонала.

– Ах, если бы это был действительно сон!

Ее голос дрожал от боли и печали.

– Если бы кто-нибудь из вас смог убедить меня, что я спала!

– Может быть, вы лучше расскажете мне о том, что случилось?

– Сэр, это был вампир.

Мистер Чиллингворт сердито взглянул на Генри и снова повернулся к девушке.

– Я полагаю, Флора, что это лишь другое название для вашего кошмара?

– Нет, нет!

– Мисс Баннерворт! Неужели вы верите в такую абсурдную глупость?

– Как же я могу не доверять своим чувствам? – ответила она. – Я видела его. И Генри видел. И Джордж, и мистер Маршдел, и мама. Не могли же мы все оказаться жертвами одной и той галлюцинации.

– У вас очень слабый голос.

– Да, я слаба и чувствую себя ужасно.

– Хм. А что это за раны на вашей шее?

Лицо Флоры исказила болезненная гримаса. Спастическое сокращение мышц завершилось дрожью, словно вся ее кровь внезапно застыла от жуткого холода.

– Это следы от зубов вампира, – сказала она.

Вымучено улыбнувшись, мистер Чиллингворт обернулся к Генри и попросил:

– Поднимите, пожалуйста, жалюзи. Я хочу осмотреть раны, которым ваша сестра придает такой ужасный смысл.

Как только жалюзи были подняты, комнату заполнил яркий свет. Около двух минут мистер Чиллингворт внимательно изучал два небольших прокола на шее Флоры. Он вытащил из кармана увеличительное стекло, осмотрел сквозь него края ран и бесстрастно произнес:

– Две пустяковых укуса.

– Но кто их нанес? – спросил Генри.

– Какое-то насекомое, которое залетело в окно. Их много в этом сезоне.

– Мне ясен мотив, которым вы руководствуетесь, – сказала Флора. – И хотя он добрый, я не могу с ним согласиться. После того, что я видела, вы не заставите меня поверить, будто виной моего недуга является какой-то жук. Вам проще убедить меня, что я сошла с ума! К тому же, мне и самой теперь так кажется.

– Расскажите о вашем общем самочувствии?

– Оно далеко от нормального. И еще меня одолевает странная сонливость. Я не могу сопротивляться ей.

Флора откинулась на подушки и с глубоким вздохом закрыла глаза. Мистер Чиллингворт кивком головы предложил Генри выйти вместе с ним из комнаты, но юноша сказал, что обещал сестре не оставлять ее одну. Поскольку миссис Баннерворт не смогла удержаться от

слез и ушла к себе, чтобы не мешать осмотру, Генри позвонил в колокольчик и попросил служанку позвать мать обратно. Когда пожилая леди пришла, юноша и доктор спустились по лестнице на первый этаж, чтобы обсудить диагноз Флоры.

Как только они остались одни в прекрасно обставленной комнате, которая называлась дубовым кабинетом, Генри повернулся к мистеру Чиллингворту и спросил:

– Каково ваше мнение, сэр? Вы видели мою сестру и эти странные следы на ее шее.

– Я постараюсь быть беспристрастным, мистер Генри. Дело в том, что я нахожусь сейчас в крайнем недоумении.

– Могу вас понять.

– Медики редко говорят о том, о чем им предусмотрительнее молчать. Но вам я признаюсь честно – этот случай озадачил меня. Он противоречит всем моим представлениям о колотых ранах.

– Что вы можете о них сказать?

– Даже не знаю, что и думать. Они поставили меня в тупик.

– Но могут ли они действительно быть следами укуса?

– Да, это следы зубов.

– То есть, они подтверждают ту ужасную догадку, которую выразила бедная Флора.

– В какой-то мере, да. Я не сомневаюсь в природе укуса, но это еще не означает того, что данные раны нанес человек. Случай Флоры настолько странный, что на вашем месте я бы, наверное, беспокоился не меньше вас. Но повторяю, не превращайте мой диагноз в доказательство страшного и почти забытого суеверия, с которым вы связываете эту странную историю.

– Я и сам считаю это предрассудком.

– Мне кажется, что ваша сестра находится сейчас под воздействием какого-то наркотика.

– Вы уверены?

– Почти. Если только она не потеряла слишком много крови, что в свою очередь могло бы вызвать замедление сердечной деятельности и последующую апатию, в которой она сейчас пребывает.

– Мне легче поверить в любой предрассудок, чем в то, что она принимала наркотик. Флора не могла бы воспользоваться им даже по ошибке, поскольку во всем нашем доме нет никаких наркотических веществ. Кроме того, она очень внимательно относится к подобным вещам. Я абсолютно уверен, что сестра не принимала никаких лекарств.

– Вот поэтому я и озадачен, мой юный друг, – со вздохом ответил доктор. – Могу сказать, что я отдал бы половину своего имущества, лишь бы повстречать то существо, которое вы видели прошлой ночью.

– И что бы вы тогда сделали?

– Я не упустил бы его ни на миг, чего бы мне это ни стоило.

– Ваша кровь застыла бы от страха. Вид у него был ужасный.

– И все же я пошел бы за ним.

– Жаль, что вас не было с нами.

– Мне тоже жаль, клянусь вам небесами. И если бы был хоть какой-то шанс на его повторный визит, я месяц приезжал бы к вам и каждую ночь сидел у постели Флоры.

– Я не говорил вам этого раньше, – сказал ему Генри, – но сегодня ночью мы с мистером Маршделом собираемся по очереди нести дежурство в комнате моей сестры.

Мистер Чиллингворт о чем-то задумался и внезапно встряхнул головой, будто признавая себе в невозможности найти какое-то рациональное объяснение тому, что он увидел, или каким-либо образом сохранить свое прежнее мнение.

– Давайте пока оставим все, как есть, – подытожил он. – Возможно, время подведет нас к разгадке. В настоящий момент я не знаю, как подойти к этой тайне, а дальнейшие рассуждения могут сбить нас с толку.

– Я согласен с вами.

– Мой слуга привезет вам лекарства, которые помогут Флоре набраться сил. А сам я подъеду к вам завтра – около десяти часов утра.

Когда доктор начал надевать перчатки, Генри деликатно спросил:

– Но вы, конечно, слышали истории о вампирах?

– Да, слышал, и, как я понимаю, в некоторых странах, например, в Норвегии и Швеции, это суеверие развито довольно сильно.

– И на Востоке.

– Верно. Мусульманские вурдалаки имеют то же самое описание. Но мне говорили, что европейских вампиров можно убить. Однако они снова оживают, если свет полной луны касается их тел.

– Я тоже слышал об этом.

– Человеческая кровь требуется вампирам очень часто, и если они не добывают ее, то начинают чахнуть. Говорят, что на последней стадии их увядания, они больше похожи на мертвых, чем на живых существ.

– Могу себе представить.

– А знаете, мистер Баннерворт, ведь сегодня ночью полнолуние.

Генри вздрогнул.

– Если вам удастся убить его... Впрочем, что я говорю, – с усмешкой поправился доктор. – Это ужасное суеверие так прилипчиво, что уже подействовало и на меня, и на вас. Теперь вы понимаете, как трудно бороться с подобными предрассудками?

– Полнолуние, – прошептал в ответ Генри и посмотрел в окно. – А ночь уже близка.

Доктор недовольно забрюзжал:

– Избавьтесь от этих глупых мыслей, мой друг. Иначе они доведут вас до душевного расстройства. Желаю вам спокойной ночи. Увидимся завтра утром.

Мистер Чиллингворт казался чем-то встревоженным и спешил уехать, поэтому Генри не стал его задерживать. Но после отъезда доктора его охватило чувство одиночества.

– Сегодня ночью новолуние, – сказал он сам себе. – Как странно, что это жуткое создание явилось накануне. Действительно странно. А ну-ка, посмотрим...

Он подбежал к книжным полкам и взял в руки книгу, о которой говорила ему Флора. Том назывался «Путешествие по Норвегии» и среди прочего рассказывал о популярной вере в вампиров. Генри открыл его наугад, и страницы, замелькав бумажным водопадом, сами указали ему нужные строки – так часто бывает, когда книгу долго держат раскрытой на одном и том же месте. Поскольку нижний абзац был отмечен галочкой, юноша заинтересовался им и прочитал там следующее:

«Относительно вампиров, люди, убежденные в этом ужасном суеверии, говорят, что сии дьявольские создания питаются человеческой кровью, коей восстанавливают свои телесные силы, и сие обычно происходит в ночь перед полнолунием, ибо при инцидентах, когда их убивают или ранят, они исцеляют себя, ложась на землю в тех местах, где на них может упасть свет полной луны».

Генри вздрогнул и со стоном выронил книгу из рук.

Глава 5

Ночное дежурство – Размышления – Лунный свет – Опасное приключение.

Юный Баннерворт вошел в состояние оцепенения и около получаса просидел, ни о чем не думая и почти не понимая, где он находится. Из этого ступора его вывел Джордж.

– Ты спишь? – спросил он, положив ладони на плечи брата.

Вопрос был задан тихим голосом, но Генри, не осознававший присутствия другого человека, вздрогнул будто от выстрела.

– Джордж, это ты?

– Тебе нездоровится?

– Нет, я просто задумался.

– О теме можно не спрашивать, – печально вымолвил Джордж. – Я искал тебя, чтобы передать письмо.

– Письмо?

– Оно адресовано тебе и, судя по печати, пришло от важного лица.

– Действительно.

– Ну же, Генри! Открой его, и давай посмотрим, от кого оно.

Света из окон еще хватало. Вскрыв конверт, Генри вслух прочитал письмо. Оно гласило о следующем:

«Сэр Френсис Варни передает свои наилучшие пожелания мистеру Баннерворту и выражает озабоченность теми неприятностями, которые, как он слышал, случились в вашей семье. Сэр Френсис надеется, что искренняя и добрая симпатия соседа не будет принята за навязчивость, и смиренно предлагает вам любую помощь во всем, что находится в пределах его возможностей.

Аббатство Рэтфорд».

– Сэр Френсис Варни? – воскликнул Генри. – Кто это такой?

– Разве ты не помнишь, как несколько дней назад мы говорили о джентльмене, который купил поместье в аббатстве Рэтфорд?

– Так это он? Ты с ним встречался?

– Нет, – ответил Джордж.

– Я не хотел бы сейчас заводить каких-то новых знакомств. Мы слишком бедны – гораздо беднее, чем можно судить по виду нашего дома. Боюсь, что вскоре нам придется продать часть особняка. Конечно, я напишу этому джентльмену вежливый ответ, но постараюсь уклониться от дружеских отношений.

– Это будет трудно сделать, Генри. Ведь наши владения граничат друг с другом.

– Ну и что? Мистер Варни поймет, что мы не хотим заводить с ним знакомства, и, будучи джентльменом, а я в этом нисколько не сомневаюсь, он откажется от дальнейших попыток общения.

– Пусть будет по твоему, брат. Лично мне сейчас действительно не до знакомств – и особенно при нынешних обстоятельствах. Но Генри, прошу тебя, разреши мне участвовать в дежурствах у постели Флоры. Я отдохнул и чувствую себя готовым для ночного бдения.

– Я бы не советовал тебе этого, Джордж. Ты же знаешь, что твое здоровье далеко не в лучшем состоянии.

– И все же позволь. Иначе беспокойство навредит мне больше, чем бессонная ночь в комнате нашей сестры.

Этот аргумент показался Генри убедительным, и он не стал противиться желанию Джорджа участвовать в ночном дежурстве.

– В этом есть и преимущество, – добавил Джордж. – Если нас будет трое, то в случае необходимости двое могут предпринять активные действия, и Флора при этом не останется одна.

– Да, ты прав. Это большое преимущество.

К тому времени по небосводу начал растекаться мягкий серебристый свет. Взошла луна. После ночной грозы воздух был по-прежнему чист и свеж, поэтому сияние луны казалось ярче и прекраснее, чем обычно. Сумерки сгущались, но приобретали нереальные молочные оттенки.

Заметив восход ночного светила, оба брата поспешили в комнату Флоры. В коридоре их уже поджидал мистер Маршдел. Хотя Генри и Джордж не имели ничего против компании отважного джентльмена, они начали уговаривать – вернее, настойчиво убеждать его – не нарушать своего покоя, сидя с ними у ложа сестры. Но тот резонно ответил:

– Позвольте мне остаться. Я старше вас и могу оценить ситуацию спокойнее, чем вы. Если вчерашний гость объявится снова, он больше от меня не убежит.

– И как же вы его поймаете?

– С именем Бога на устах я вступлю с ним в схватку, – торжественно объявил мистер Маршдел.

– Вы уже пытались сделать это прошлой ночью.

– Да, пытался. И я забыл показать вам, что осталось в моих руках. Смотрите. Что вы скажите об этом?

Он показал им обрывок рукава со старомодными кружевами и двумя золочеными пуговицами. При более тщательном осмотре юноши сошлись во мнении, что это часть какого-то обветшалого камзола. Внезапно Генри занервничал и задал мистеру Маршделу вопрос:

– А этот кусок не напоминает вам одежду прошлого века?

– Он остался в моих руках только потому, что буквально истлел и уже не мог выдерживать натяжения.

– Кроме того, от него исходит странный запах.

– Я тоже заметил его, – сказал мистер Маршдел. – Должен признаться, что этот запах навевает мне мысли о тлене могилы.

– И мне, – согласился Джордж. – А что если наш ночной визитер имеет к могиле и тлену прямое отношение?

– Будем надеяться, что нет. Лично я не хочу допускать в свой ум никаких доказательств того, что мы пока можем отрицать – пусть даже и с трудом.

Мистер Маршдел засунул обрывок камзола в карман, и трое мужчин, стараясь не шуметь, вошли в комнату Флоры.

До полуночи оставалось несколько минут. Луна поднималась по дуге небес, лаская землю призрачным сиянием. За окнами была такая красота, какую редко можно увидеть, даже прожив большую и долгую жизнь.

Флора спала, поэтому оба брата и мистер Маршдел, сидевшие у ее ложа, хранили молчание. Сон девушки становился все более беспокойным, и мужчины боялись нарушить его каким-либо громким звуком. Время от времени они перешептывались между собой. Комната хотя и была меньше прежней спальни, но позволяла им сидеть на некотором расстоянии от постели Флоры.

Поначалу они вообще молчали, но когда часы пробили полночь, и эхо последнего удара угасло в тишине, трех стражей охватила безотчетная тревога. Чтобы избавиться от нее, мужчины завели беседу.

– Как сияет луна, – тихо вымолвил Генри.

– Я никогда не видел ее такой яркой, – ответил Маршдел. – У меня растет убеждение, что сегодня ночью нас никто не потревожит.

– Вчера он явился позже, – заметил Генри.

– Да, пока рано поздравлять друг друга со спокойным дежурством.

– Весь дом затих, – добавил Джордж. – Я и не думал, что тишина может быть такой интенсивной.

– Действительно тихо.

– Тсс! Она пошевелилась.

Застонав во сне, Флора сделала легкое движение. Занавес, опущенный вокруг кровати, защищал ее глаза от лунного света, который вливался в комнату. В принципе, можно было бы закрыть ставни, но мужчины не стали делать этого, поскольку в темноте их наблюдение оказалось бы бесполезным, и они не увидели бы того, кто попытался бы проникнуть в комнату.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем мистер Маршдел прошептал:

– Мне сейчас пришло в голову, что этот кусок ткани, оторванный мной прошлой ночью от одежды вора, удивительным образом напоминает по цвету и стилю камзол того мужчины, который изображен на портрете в комнате, где прежде спала Флора.

– Я подумал об этом, как только увидел обрывок, – ответил Генри. – Но, честно говоря, побоялся признать в нем еще одно доказательство в пользу гипотезы о вампире.

– Тогда мне не стоило показывать вам эту ткань, – сказал мистер Маршдел. – Я сожалею о своем поступке.

– Не вините себя за усердие, – отозвался Генри. – Вы действовали правильно. Это просто я до глупости впечатлительный юноша. Однако раз уж вы заметили такое сходство, то я должен признаться вам в настойчивом желании проверить эти наши наблюдения и сравнить лоскут с портретом.

– А что может быть проще?

– Вы можете идти, но я останусь здесь, – сказал им Джордж. – На случай, если Флора проснется. Нас будет разделять лишь коридор.

Генри тут же поднялся с кресла.

– Тогда вперед, мистер Маршдел. Давайте рассеем наши сомнения. Джордж правильно сказал, нас будет разделять лишь коридор, и в случае тревоги мы всегда успеем вернуться обратно.

– Я готов, – ответил мистер Маршдел.

Свечи были не нужны, так как в безоблачном небе сияла луна, а особняк имел много окон. Обе спальни находились в разных концах коридора – довольно широкого и длинного – но звук тревоги без помех дошел бы из одной комнаты в другую. Генри и мистеру Маршделу потребовалось пара минут, чтобы добраться до античной спальни, где висел портрет. При свете полной луны мужчина, изображенный на картине, казался потрясающе живым и устрашающим.

Этот эффект подчеркивало и то, что остальная часть комнаты не была освещена ночным светилом, лучи которого вливались в окна коридора и через дверной проем попадали прямо на портрет. Мистер Маршдел приложил кусок ткани к холсту, и им хватило одного лишь взгляда, чтобы заметить поразительное сходство между обрывком рукава и фрагментом картины.

– О, великий Бог! – воскликнул Генри. – Один и тот же узор.

Мистер Маршдел вздрогнул и выронил обрывок одежды.

– Этот факт поколебал даже ваш скептицизм, – печально подытожил Генри.

– Мой разум не может объяснить его.

– Я хочу рассказать вам легенду, связанную с этим портретом. Мне не известно, насколько вы знакомы с историей семейства Баннервортов, но этот человек – один из моих

предков. Я бы даже сказал, один из великих предков. Совершив самоубийство, он был похоронен в своей лучшей одежде.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно.

– Меня смущает то обстоятельство, что каждый момент этой странной истории все больше подтверждает ужасную догадку о вампире. Как бы мы не уклонялись от нее, она вновь и вновь предъявляет себя нашему вниманию.

После нескольких секунд напряженного молчания юноша повернулся к мистеру Маршделу, чтобы рассказать ему о чем-то. В тот же миг из парка прямо под балконом послышались звуки осторожных шагов. От ужаса и неожиданности Генри почувствовал слабость в ногах. Он прислонился к стене для опоры и прошептал, едва произнося слова:

– Вампир! Вампир! О Боже! Он вернулся!

– Пусть же небеса вдохновят нас на большее, чем просто храбрость смертных, – вскричал мистер Маршдел и, открыв окно эркера, выбежал на балкон.

Генри, овладев собой, последовал за ним. Как только он достиг ограждения, Маршдел прошептал ему, указывая вниз рукой:

– Там кто-то прячется!

– Где? Где?

– Среди лавров. Давайте, я выстрелю наугад, а затем мы спустимся и посмотрим.

– Подождите, – донесся голос снизу. – Я умоляю, не стреляйте.

– Это голос мистера Чиллингворта, – воскликнул Генри.

– Да, это и есть мистер Чиллингворт собственной персоной, – ответил доктор, выбираясь из лавровых кустов.

– Какого черта?! – сердито рявкнул Маршдел.

– Просто я решил провести ночь в вашем парке – в надежде поймать вампира. Ради этого мне даже пришлось перелезть через ворота.

– Но почему же вы не рассказали мне о вашем плане? – возмутился Генри.

– Мой друг, я принял это решение лишь полтора часа назад.

– Вы кого-нибудь здесь видели?

– Нет, никого. Но я слышал странный звук за парковой стеной.

– Ах, так!

– Послушайте, Генри, – произнес мистер Маршдел. – Что вы скажете, если мы спустимся вниз и осмотрим прилегающие к парку земли?

– Я согласен. Но позвольте мне предупредить об этом Джорджа. Иначе его может беспокоить наше долгое отсутствие.

Генри торопливо вернулся в комнату Флоры и тихо обратился к брату:

– Джордж, ты не против, если мы оставим тебя с сестрой на полчаса, а сами осмотрим территорию парка?

– Нет, только дай мне какое-нибудь оружие. Или лучше побудь здесь, пока я не принесу из своей комнаты саблю.

Вернувшись с саблей, которую он всегда хранил в своей спальне, Джордж произнес:

– Теперь ты можешь идти. Я доверяю острому клинку сильнее, чем вашим пистолетам.

Но прошу тебя, Генри, не уходи далеко от дома.

– Клянусь тебе, Джордж, я буду рядом.

Оставив брата у постели Флоры, Генри вернулся на балкон, где его поджидал мистер Маршдел. Они оба спрыгнули на землю, поскольку это показалось им кратчайшей дорогой в парк. Небольшая высота не представляла собой особой опасности, и вскоре они благополучно присоединились к мистеру Чиллингворту.

– Вы, конечно же, удивились, увидев меня здесь, – сказал доктор, – но дело в том, что во время нашей встречи я лишь подумывал о такой возможности. Не придя к окончательному решению, я не стал предлагать вам свою помощь.

– Тем не менее мы благодарны вам за предпринятую попытку, – ответил Генри.

– Меня привело сюда мое неумное любопытство.

– Вы вооружены? – спросил Маршдел.

– В этой трости спрятана шпага, на остроту которой я полагался во многих опасных случаях, – ответил доктор. – И я без лишних раздумий всажу ее в любого, кто будет выглядеть похожим на вампира.

– И правильно сделаете, – поддержал его мистер Маршдел. – У меня с собой пара пистолетов, заряженных пулями. Генри, если хотите, то возьмите один из них, и тогда мы все будем при оружии.

После этого, готовые к любой неожиданности, они обошли вокруг дома и проверили все запоры и окна. Вокруг царила тишина.

– Может быть, нам стоит осмотреть территорию за парковой стеной? – предложил мистер Маршдел.

Никто не возражал. Но прежде чем они отправились в путь, Маршдел добавил:

– Тут неподалеку лежит лестница. Что если нам приставить ее к стене – в том самом месте, где прошлой ночью скрылся вампир? Во-первых, сверху мы сможем лучше осмотреть луга, а во-вторых, заметив что-то подозрительное, нам останется лишь спрыгнуть на землю, чтобы оказаться по другую сторону ограды.

– Мне нравится ваш план, – согласился доктор. – А вы, мой друг, не против?

– Нет, – ответил Генри.

Они подняли лестницу, которую садовник использовал для подрезки деревьев, и понесли ее к концу аллеи, где предыдущей ночью вампир после многих безуспешных попыток все же перебрался через парковую стену. Торопливо пройдя по длинной дорожке среди вековых деревьев, мужчины приставили лестницу к ограде – как раз там, где сутки ранее Генри в замешательстве смотрел на прыжки существа из могилы.

– Мы поодиночке поднимемся на стену, – сказал мистер Маршдел, – и, устроившись наверху, осмотрим ближайшие окрестности.

Через пару минут все трое уже заняли свои позиции на плоской вершине ограды, и хотя высота была невелика, перед ними открылся куда больший простор, чем тот, который они имели бы на тропе, идущей вдоль забора.

– В любом случае я не зря прошел такое расстояние, – сказал мистер Чиллингворт. – Красота этой ночи – вполне достаточная компенсация за мои усилия.

– Возможно, мы еще увидим нечто такое, что бросит свет на мрачную загадку, – произнес Маршдел. – Генри, Господу Богу известно, что я отдал бы все на свете лишь бы оградить вашу сестру от беды, которая настигла ее прошлой ночью.

– Я не сомневаюсь в вашей дружбе, мистер Маршдел, – ответил Генри. – Если бы участь моей семьи зависела от вас, то мы были бы безмерно счастливы.

– Что-то вы примолкли, мистер Чиллингворт, – заметил Маршдел после небольшого молчания.

– Тише! – ответил доктор. – Тсс!

– Ради Бога, скажите нам, что вы заметили! – воскликнул Генри.

Мистер Чиллингворт сжал запястье юноши и тихо прошептал:

– Видите ту молодую липу справа?

– Да, я вижу.

– Теперь переведите взгляд по горизонтальной линии к лесу.

С уст Генри сорвался вздох удивления, и он указал рукой на кочку, которая из-за близости высоких деревьев частично находилась в тени.

– Что это? – спросил он.

– Мне кажется, я что-то вижу, – произнес Маршдел. – О, небеса! Там лежит человек!

– Руки раскинуты, словно он умер!

– Кто бы это мог быть? – отозвался Чиллингворт.

– Боюсь ошибиться, – ответил мистер Маршдел, – но, если верить моим глазам, то эта фигура похожа на тварь, за которой мы гнались прошлой ночью.

– Вампир?

– Да! Да! Смотрите, его коснулся лунный свет. Тень деревьев сместилась. О, Господи! Он начинает шевелиться!

Глаза Генри были прикованы к ужасному объекту, и теперь помимо любопытства и удивления в его душе пробудились величайший страх и тревога. Луна все выше поднималась над кромкой леса. Когда ее лучи коснулись распростертой фигуры, с ранее мертвым телом стало происходить что-то странное. Руки и ноги существа начали сгибаться и разгибаться, и хотя вампир по-прежнему лежал на земле, он все больше проявлял бесспорные признаки жизни.

– Вампир! Он – вампир! – прошептал Маршдел. – Я больше не сомневаюсь в этом. Мы, должно быть, убили его прошлой ночью, но свет полной луны пробудил эту тварь к новой жизни.

Генри вздрогнул, и даже мистер Чиллингворт побледнел от страха. Но доктор быстро пришел в себя и приступил к разработке дальнейших действий.

– Давайте спустимся и подойдем к нему. Мы должны уничтожить его ради самих себя и благополучия остального общества.

– Подождите, – ответил мистер Маршдел, доставая пистолет. – Генри знает, что я меткий стрелок. И прежде чем мы покинем эту позицию, позвольте мне выяснить, сможет ли пуля уложить вампира обратно на землю.

– Он встает! – вскричал Генри.

Мистер Маршдел осмотрел пистолет, уверенно прицелился, а затем, когда вампир, шатаясь, поднялся на ноги, хладнокровно выстрелил в жуткую фигуру. Тварь с воем рухнула на кочку.

– Пуля попала в него! – воскликнул Генри.

– А вы действительно меткий стрелок, – с одобрением заметил доктор. – Теперь мы можем спуститься вниз.

– Нет, не спешите, – возразил Маршдел. – Вам не кажется, что он по-прежнему находится под лунным светом?

– Да, – ответил Генри. – Лучи луны касаются его.

– Я больше не могу терпеть, – сказал им мистер Чиллингворт и спрыгнул вниз на землю. – С вами или без вас, но я собираюсь осмотреть его тело.

– Не будьте опрометчивыми, – закричал Маршдел. – Смотрите, он снова поднимается. О, как огромна его фигура!

– Я доверяюсь небесам и праведному делу, – ответил доктор, высвобождая шпагу из трости. – За мной, друзья! Или я пойду один!

Генри спрыгнул со стены, и Маршдел последовал за ним.

– Вперед! – закричал он. – Я с вами!

Трое мужчин побежали к злополучной кочке, но прежде чем они приблизились к ней, вампир вскочил на ноги и быстро помчался к роще, которая находилась неподалеку.

– Он почувствовал погоню, – прокричал мистер Чиллингворт. – Смотрите, как он озирается и наращивает скорость.

– Стреляйте в него, Генри! – взмолился Маршдел.

Юноша выстрелил, но, очевидно, не попал. Либо вампир не обратил внимание на новую рану. Он скрылся во мраке рощи, не оставив своим преследователям никакой надежды найти и поймать его.

– Дальше двигаться опасно, – сказал Маршдел. – На открытой местности я согласен оказаться в метре от него. Но в лабиринте темной рощи он имеет сотни преимуществ.

– Бессмысленно преследовать его в лесу, – согласился Генри. – В такой темноте мы ничего не увидим.

– Я тоже не настолько безрассуден, чтобы следовать за ним в глубь рощи, – заметил мистер Чиллингворт. – Кроме того, я слишком смущен происходящим.

– Я тоже, – признался Маршдел. – Что мы можем еще предпринять?

– Пожалуй, ничего, – ответил Генри. – И все же под куполом этих небес я клянусь, что не пожалею ни времени, ни сил на то, чтобы с Божьей помощью распутать клубок страшной тайны. Кстати, вы заметили одежду, которая была на призраке?

– Какой-то старомодный наряд, – произнес мистер Чиллингворт. – Такие были в моде не менее века назад.

– Я тоже так считаю, – согласился Маршдел.

– И я, – возбужденно добавил Генри. – Но разве это не подтверждает нашу догадку о том, что вампир является моим предком, который сто лет назад совершил самоубийство?

В тоне юноши чувствовалось такое волнение, что мистер Чиллингворт взял его под руку и произнес:

– Ступайте домой. Хватит с вас ужасов, иначе вы доведете себя до серьезного психического расстройства.

– Нет, нет!

– Ступайте домой! Я вас умоляю. Вы слишком возбуждены погоней, чтобы рассуждать об этом деле с необходимым трезвомыслием.

– Прислушайтесь к совету, Генри, – сказал мистер Маршдел. – Он исходит от друга. Давайте, сейчас же вернемся домой.

– Я поступлю по вашему, – ответил юноша. – Я чувствую, что более не могу контролировать свои чувства... Мне остается лишь довериться мнению тех, кто оказался в этом деле хладнокровнее меня. Ах, Флора! Несчастливая Фора! Мне нечем тебя успокоить!

Опечаленный Генри впал в состояние полной прострации. Впрочем, при таком обилии бед, которые столь внезапно обрушились на его семью, мысль о сверхъестественной силе адского существа разрушала любую надежду на будущее счастье в этом мире. Молодой человек позволил старшим товарищам отвести себя домой и больше не сказал о вампире ни слова. Он уже не мог оспаривать те факты, которые, сплетаясь в одно целое, доказывали существование зла, противоречившего всем законам небес и тому, что до сего момента считалось им незыблемой основой природы.

Когда они подошли к особняку, Генри прервал молчание:

– Я не могу отрицать, что такое возможно, но вероятность не постигается оценкой одного момента.

– На небесах и на земле есть много разных вещей, о которых не подозревает наша философия, – ответил Маршдел.

– Я верю в то, что вижу, – добавил мистер Чиллингворт.

– Так значит вы тоже поверили в это? – обернувшись к нему, спросил Генри.

– Во что именно?

– В существование вампиров.

– Я? Да если бы вы заперли меня в комнате с сотней вампиров, я бы все равно считал их зубы вымыслом.

– Даже после того, что мы видели сегодня ночью?

– А что мы видели?

– Вы сами были тому свидетелем.

– Действительно, я видел человека, лежавшего на кочке. И я видел, как он встал. После выстрела мне показалось, что он был ранен, но потом я увидел, как этот мужчина в спешке умчался в лес. Вот и все, что я могу вам сказать.

– Но неужели вы, приняв в соображение все обстоятельства, не поняли, кем было это мерзкое создание?

– Нет, моя душа противится этому. Я готов умереть за свое неверие, ибо существование таких адских существ являлось бы поруганием небес и Бога.

– О, как бы мне хотелось рассуждать подобно вам. Но дело с вампиром затронуло честь моей семьи и превратилось в личную проблему.

– Не падайте духом, Генри, – сказал мистер Маршдел. – Сейчас не время унывать. Кроме того, нам нужно разобраться с одним вопросом. Судя по тому, что мы видели, ваш предок, изображенный на портрете в спальне Флоры, является вампиром.

– Во всяком случае, одежда та же самая, – согласился Генри.

– Я заметил это.

– Тут трудно было не заметить.

– А вам не хотелось бы разобраться с этой частью вопроса?

– Как?

– Где похоронен ваш предок?

– Ага! Теперь я понимаю!

– И я, – добавил мистер Чиллингворт. – Вы намерены посетить его склеп?

– Я просто хочу прояснить это дело, – ответил мистер Маршдел. – И по возможности, очистить его от мистической шелухи.

Преодолев небольшое раздражение, Генри неохотно произнес:

– Он, как и многие члены моей семьи, похоронен в склепе под старой церковью.

– А можно попасть в этот склеп, не привлекая общего внимания? – спросил Маршдел.

– Я думаю, можно, – ответил Генри. – Вход в него находится под церковным полом – в огороженном месте, отведенном для нашего семейства.

– То есть, мы можем туда пробраться? – спросил мистер Чиллингворт.

– Вне всяких сомнений.

– А вы согласны на такой осмотр? – поинтересовался доктор. – Это могло бы отвлечь вас от горьких мыслей.

– Мой предок был погребен в фамильном склепе, – задумчиво ответил Генри. – В своем лучшем наряде. Я должен хорошо подумать перед тем, как нарушить его покой. Такие дела поспешно не решаются. Дайте мне время до завтрашнего утра.

– Как вам будет угодно, – сказал мистер Чиллингворт и, откланявшись, направился к воротам.

Генри и мистер Маршдел поднялись в комнату Флоры. Джордж сообщил им, что его дежурство прошло спокойно. Он, конечно, слышал звуки выстрелов, но был уверен в счастливом исходе. За окнами уже светало. Генри уговорил мистера Маршдела пойти поспать, а сам остался сидеть с братом у постели Флоры – до тех пор, пока утренний свет не изгнал из его головы тревожные мысли.

Он поведал Джорджу о том, что случилось у парковой стены, и оба брата долго обсуждали вопросы, связанные с этой темой и благополучием их семьи. Они говорили до тех пор, пока ранние лучи солнца не озарили комнату радужным сиянием. Братья поднялись и решили разбудить сестру, которая спала, не просыпаясь, уже слишком много времени.

Глава 6

Взгляд на семейство Баннервортов – Последствия визита таинственного призрака.

Мы надеемся, что уже заинтересовали читателей судьбой несчастного семейства, которое посетил ужасный вампир. Мы верим, что несколько слов, связанных с родом Баннервортов, не покажутся вам неуместными и лишними. А надо сказать, что это семейство было хорошо известным в той части страны, где оно обитало. И мы не погрешим против истины, если добавим, что эта известность была даже большей, чем того хотелось бы самим Баннервортам, поскольку, к великому сожалению, она основывалась на деяниях их давнего предка, который слыл развратным и злым человеком. Вот почему, несмотря на все усилия его потомков исправить репутацию, несмотря на их интеллигентность, доброту и чуткое отношение к соседям, на всем семействе Баннервортов висела мрачная печать того, кто столетие назад владел особняком и землями, принадлежавшими ныне Флоре и ее двум братьям. И все главы рода так или иначе повторяли черты характера их великого и ужасного предка.

Это положение дел по воле странного рока продолжалось сотню лет, и последствия были плачевными. К тому же благодаря порокам и экстравагантности некоторых членов семейства материальное состояние Баннервортов значительно ухудшилось, а когда поместье перешло в руки Генри, оно, и без того небольшое, из-за многих затруднений уменьшилось до критического уровня.

Отец Генри, как глава семейства, не был ярким исключением из общего правила. В принципе, он отличался от своих предшественников в лучшую сторону, но это, скорее всего, объяснялось отсутствием дерзкой самоуверенности, а также тем, что перемены в привычках, нравах и законах, происшедшие в течении столетия, уже не позволяли владельцам земель проявлять себя неудержимыми тиранами.

Стыдясь животных прихотей, которые довели его сородичей до совершения серьезных преступлений, он тем не менее имел пристрастие к азартным играм. Желая увеличить оставшиеся ему сбережения, этот безрассудный человек потерял все свои накопления – что, впрочем, и следовало ожидать. В один из дней его бездыханное тело нашли в саду. Рядом лежала записная книжка, на последней странице которой, прямо под родовой печатью, он пытался написать что-то, связанное с его кончиной – во всяком случае, пальцы покойного сжимали карандаш.

Возможно, он почувствовал приближение приступа и решил оставить близким какое-то важное сообщение, но не успел, так как смерть настигла его слишком быстро. Кстати, за несколько дней до этого события он начал вести себя очень странно – объявил о своем решении навсегда уехать из Англии и хотел продать поместье, чтобы как-то оплатить закладные и многочисленные долги. А за несколько часов до кончины он призвал к себе Генри.

– Не печалься, что мы продаем наше родовое поместье, – сказал он сыну. – Поверь, я имею для этого хорошие причины – возможно, впервые за всю свою жизнь. Мы уедем отсюда в другую страну и будем жить там как настоящие принцы.

Куда мечтал уехать мистер Баннерворт, и где он хотел жить, как настоящий принц – все это осталось тайной. Внезапная смерть похоронила вместе с ним и все его секреты. На последней странице записной книжки осталось несколько неразборчивых слов, и только пара из них читалась: «Мои деньги...». Дальше шли неясные каракули и длинный зигзаг карандаша, очевидно, оставленный в миг смерти.

Конечно, эта запись ничего не объясняла и только создавала противоречивые догадки. По мнению нотариуса, человека слишком уж шутиwego для служителя закона, данная строка могла означать следующее: «Мои деньги кончились. На них не рассчитывайте!» Возможно, он был близок к истине.

Однако покойный, несмотря на все свои пороки, вспоминался детьми с глубокой любовью и уважением. Они избрали чтить его достоинства и не касаться недостатков.

Впервые за долгую историю рода во главе семейства Баннервортов стал настоящий джентльмен – человек долга и слова. Смелый, благородный, образованный, с набором прекрасных и достойных качеств, Генри остался таковым и в дни беды, о которых мы повествуем читателям. К тому времени все сбережения семейства были растрачены или утеряны. Баннервортам пришлось добывать средства к существованию. Однако они делали это с таким достоинством, что люди начали их уважать, как прежде ненавидели и презирали.

Впрочем положение Генри было очень шатким. Его отец, занимая деньги для карточных игр, набрал несметное количество долгов. Вот почему, когда юный Баннерворт приступил к управлению поместьем, их семейный адвокат полдня отговаривал его от этого. Но привязанность к дому побудила Генри вести хозяйство до последней возможности, несмотря на возникавшие трудности и неблагоприятные обстоятельства.

Через несколько недель после кончины отца, когда юноша оформил на себя владения, к нему из Лондона пришло внезапное предложение от земельного агента, которого он абсолютно не знал. Генри предлагали продать особняк и земли. Клиентом выступал некий джентльмен, имя которого агент не стал упоминать в своем письме. Деньги давались немалые – гораздо больше того, чем стоило поместье.

Адвокат, консультировавший Генри после смерти его отца, посоветовал юноше незамедлительно принять это предложение, но семья Баннервортов, устроив совет, решила сохранить владения за собой и ответила на письмо отказом. Последовала новая просьба, в которой Генри предлагали самому назвать цену за особняк. Однако он не сделал этого. Переговоры оборвались, оставив в умах Баннервортов искреннее удивление тем, что некий неизвестный им человек так настойчиво желал купить их земли.

Впрочем, имелось еще одно обстоятельство, которое сильно повлияло на желание семьи остаться в родовом гнезде. Это обстоятельство было следующим: некий родственник, к сожалению умерший год назад, последние шесть лет посылал Генри по сто фунтов стерлингов, чтобы тот в компании Джорджа и Флоры мог совершать экскурсионные поездки по ближайшим странам – обычно, в осенний период.

Эти поощрения, да еще с таким восхитительным условием, пришлось молодежи по вкусу. Будучи благоразумными и бережливыми, они умудрились объехать много стран на те деньги, которые щедро отдавались в их распоряжение. В одной из таких экскурсий среди гор Италии случилось происшествие, подвергшее опасности жизнь Флоры.

Когда их группа преодолевала отрезок узкой горной тропы, ее конь поскользнулся, и девушка, упав на край обрыва, каким-то чудом зацепилась за выступавший камень. На счастье рядом оказался молодой мужчина – случайный попутчик, присоединившийся к группе на последнем перевале. Благодаря его опыту и силе Флору удалось спасти.

Прежде всего он велел девушке не шевелиться и пообещал ей, что спасет ее во что бы то ни стало. Затем, рискуя жизнью, этот юноша спустился по крутому склону к тому месту, где она из последних сил цеплялась за выступы скалы. Обхватив рукой талию девушки, он поддерживал Флору на краю обрыва до тех пор, пока братья не съездили к ближайшему крестьянскому дому – а до него было не меньше двух английских миль – и не вернулись с помощниками и веревками.

За время их отсутствия началась гроза. Если бы не отважный юноша, Флора сорвалась бы со склона и упала в пропасть, дна которой даже не было видно. Надо ли говорить о том, что когда ее спасли, молодой человек был буквально засыпан самыми искренними и сердечными благодарностями братьев и девушки.

Он представился им, как начинающий художник Голланд, и сказал, что путешествует в поисках знаний и развлечений. Какую-то часть пути они проехали вместе, и поэтому неуди-

вительно, что между юношей и прекрасной Флорой возникла нежная привязанность. Еще бы! – ведь он спас ей жизнь.

В череде обоюдных взглядов родилась любовь, и молодые люди договорились, что когда юноша вернется в Англию, он приедет в поместье Баннервортов, где будет почетным гостем. Все это происходило на глазах у братьев Флоры, и надо отметить, что они относились к Чарльзу Голланду с дружеской симпатией и восхищением. Впрочем, он вызывал подобные чувства у всех, кто его знал.

Генри описал ему их нелегкую ситуацию и пообещал, что Чарльз, приехав в гости, будет встречен всем семейством с превеликим радушием, хотя за переменчивый нрав отца он отвечать не брался. Юный Голланд ответил, что по воле своих родителей он был вынужден обучаться в Италии еще два года. Юноша надеялся, что Флора дождет его возвращения и не свяжет свою судьбу с каким-нибудь другим мужчиной.

Так уж получилось, что для семьи Баннервортов это была последняя поездка на континент, поскольку в следующем году их щедрого родственника, выделявшего им средства на круизы по разным странам, не стало. К тому же, смерть отца, уже описанная нами, лишила Флору какой-либо возможности вновь съездить на материк и встретиться там с Чарльзом Голландом до окончания его двухлетней учебы в Италии.

Вполне понятно, что при таком стечении обстоятельств влюбленная Флора и слышать не желала об отъезде из дома, куда должен был приехать ее Чарльз. А Генри ради счастья сестры готов был пойти на любые жертвы. Вот почему Баннерворты не продавали поместье и упорно переносили все беды нищеты, ожидая появления Голланда. Молодые люди уже считали его членом своей семьи и хотели услышать мнение Чарльза о дальнейшей судьбе их владений.

Хотя не все разделяли их точку зрения. Одним из таких исключений был мистер Маршдел. Являясь дальним родственником миссис Баннерворт, он в юности питал к ней искренние и нежные чувства. Однако она в ту пору, со свойственным всем юным девам легкомыслием, избрала из нескольких поклонников самого наихудшего – того, кто после свадьбы обращался с ней с холодным безразличием и почти не обращал на нее внимание.

Ее мужем стал мистер Баннерворт. Вся последующая жизнь заставила женщину осознать ту ошибку, которую она совершила в юности. И несмотря на безмерную любовь к своим детям – единственной радости ее материнского сердца – она часто сожалела о глупых фантазиях, приведших к такому безрадостному выбору.

Через месяц после смерти мужа одна из служанок сообщила хозяйке, что в холле ее ожидает мужчина. Это был мистер Маршдел. Она всегда относилась к нему с нежностью, а тут еще добавилось удовольствие от встречи с тем, кто знал ее в лучшие годы. Миссис Баннерворт встретила его, как старого друга, и предложила ему погостить какое-то время в их особняке. Мистер Маршдел позволил ей уговорить себя и вскоре своим благородством, честностью и интеллектом завоевал любовь и уважение всего семейства.

Он много путешествовал и при желании прекрасно рассказывал о том, что видел. То есть, он мог быть не только мудрым советником, но и веселым компаньоном. Его обширные знания о том, чего молодежь почти не знала, его рассудительность и спокойное поведение настоящего джентльмена, с которыми молодым Баннервортам редко доводилось встречаться, сделали Маршдела желанным и почитаемым членом семьи. Он всю жизнь прожил в одиночестве, не имел ни жены, ни детей, поэтому чувствовал себя в кругу новых друзей и прежней возлюбленной наверху блаженства.

Конечно, по правилам приличия, он не мог предлагать им оплату за стол и кров, но чтобы не обременять и без того небогатое семейство, мистер Маршдел дарил Баннервортам различные подарки, останавливая свой выбор не на декоративных поделках, а на нужных и функциональных вещах, на которые им пришлось бы тратить в любом случае. Мы не

знаем, замечали ли эту хитрость хозяева дома, но если и замечали, то, очевидно, им нравились подобные знаки внимания. Во всяком случае, они не отказывались от подарков Маршдела, и это доставляло ему истинное удовольствие.

Вот, вкратце, та ситуация, в которой оказалось семейство Баннервортов. И это положение вещей было на грани резких перемен, которые надвигались стремительно и мощно.

Какими бы сильными ни были чувства обитателей старого особняка к родовому гнезду, они в корне изменились после появления такого страшного и необычного гостя, как вампир. Мы и сами не знаем, что переживали бы на их месте. Этот визит оказал на всех серьезное воздействие – как на хозяев, так и на слуг. На следующее утро Генри пришлось рассчитаться с тремя служанками, которые больше не желали работать в его доме. Он прекрасно понимал причину их ухода и даже не пытался отговаривать этих женщин, ссылаясь на нелепость суеверия, которое уже сам принимал за истину. Да и как он мог оспаривать существование вампира, когда видел его собственными глазами?

Генри спокойно расплатился со служанками и позволил им уйти, не вступая в споры. Однако времена были тяжелые. Возможно поэтому остальная челядь, пусть даже со страхом и дрожью, решила сохранить свои места. Тем не менее уют родового поместья были полностью утерян, и слуги начинали подумывать о поисках другой работы.

Глава 7

Окончательное решение – Ночная дорога – Церковь – Посещение склепа
Генри и Джордж разбудили сестру и, решив, не рассказывать ей о делах минувшей ночи, завели беседу в шутливых и добрых тонах.

– Видишь, Флора, – сказал ей Генри, – этой ночью тебя никто не тревожил.

– Как долго я спала!

– Да, и надеюсь, ты видела приятные сны.

– Мне ничего не снилось. Но сейчас я чувствую себя лучше и свежее.

– Хвала небесам! – с улыбкой воскликнул Джордж.

– Если вы позовете ко мне матушку, я с ее помощью встану.

Братья вышли из комнаты, сочтя за благоприятный знак тот факт, что Флора уже не боится оставаться одна, как это было предыдущим утром.

– Она быстро поправляется, Джордж, – сказал Генри. – Если нам теперь удастся убедить себя, что опасность миновала и что мы больше не услышим о призраке, то наша жизнь может снова вернуться в прежнее русло.

– Будем верить, что мы справимся с этим, Генри.

– И все же, брат, мой разум не успокоится, пока я не нанесу ему ответный визит.

– Ответный визит? Куда?

– В наш фамильный склеп.

– О, Генри! Мне кажется, ты должен отказаться от этой идеи.

– Я пытался. Я уже несколько раз отказывался от нее, но она вновь и вновь приходит мне в голову.

– Лично я против, брат.

– Послушай, Джордж! Все, что случилось с нами, заставило меня поверить в эти жуткие легенды о вампирах.

– Меня тоже.

– Я во что бы то ни стало хочу изменить такое положение вещей и найти какое-то доказательство обратного порядка. Мне необходимо успокоить свой ум и сфокусироваться на другой стороне вопроса.

– Я понимаю тебя, Генри.

– В настоящий момент мы вынуждены верить не только тому, что нас посетил вампир, но и тому, что этот вампир – наш предок, чей портрет висит на стене той комнаты, в которую ему удалось пробраться.

– Да, истинная правда.

– Джордж, навестив наш фамильный склеп, мы могли бы положить конец одному из домыслов. Если мы найдем в гробу останки нашего предка, чей камзол схож с одеждой вампира, нам больше не придется возвращаться к этому вопросу.

– Но, брат, прошло столько времени.

– Почти сто лет.

– Неужели останки тела могли сохраниться?

– Конечно, тление должно было сделать свою работу. Но в гробу может находиться нечто такое, что позволит нам предположить естественный ход процесса. Я сомневаюсь, что за век от трупа ничего не осталось.

– В этом есть свой смысл.

– Кроме того, гробы прежде делались из свинца или камня. Так что останки должны сохраниться.

– Верно.

– Если в гробу, с соответствующими надписями и датой, мы найдем останки нашего предка, это послужит нам явным доказательством того, что он с миром покоится в своей могиле.

– Брат, я вижу, ты твердо решил пойти в фамильный склеп, – сказал Джордж. – И если это так, то позволь мне сопровождать тебя.

– Я не хочу спешить с таким решением. Прежде чем прийти к окончательному мнению, я должен посоветоваться с мистером Маршделом. Его слово для меня очень много значит.

– Тогда можешь сделать это сейчас, – сказал Джордж, посмотрев из окна на аллею. – Он как раз возвращается с прогулки по парку.

Когда мистер Маршдел вошел в гостиную, братья с радушием приветствовали его.

– Вы рано поднялись, – заметил Генри.

– Это верно, – ответил Маршдел. – Следуя вашей настойчивой просьбе, я пошел в постель, но не смог заснуть. Тогда я снова отправился на то место, где мы видели эту тварь – даже не знаю, как назвать ее, потому что мне ужасно не нравится слово «вампир».

– Дело не в слове, – сказал Джордж.

– В данном случае я с вами не согласен, – возразил Маршдел. – Это слово вызывает ужас.

– Вы что-нибудь нашли в том месте? – спросил Генри.

– Ничего.

– А видели следы?

– Ни одного.

– Мистер Маршдел, мы с Джорджем обсуждали наш возможный визит в фамильный склеп.

– И что?

– Мы отложили окончательное решение до тех пор, пока не узнаем ваше мнение.

– Я ценю ваше уважение ко мне, – произнес мистер Маршдел. – И поэтому буду с вами полностью откровенен.

– Так что вы скажете?

– Вам обязательно нужно осмотреть гроб вашего предка.

– Вы так считаете?

– Да, и тому есть причина. Сейчас вас гнетет неприятное предчувствие, что гроб может оказаться пустым. Если вы убедитесь в этом, то наша ситуация вряд ли станет хуже – мы лишь получим еще одно подтверждение к той догадке, которая с каждым днем обретает все большую достоверность.

– Да, это правда.

– И наоборот, если вы получите неоспоримые доказательства того, что ваш предок покоится в могиле и что его плоть превратилась в прах, то на душе у вас станет легче, поскольку цепь событий перейдет из прошлого в настоящее время.

– Именно это я и говорил Джорджу несколько минут назад, – признался Генри.

– Значит, мы отправляемся в склеп? – спросил Джордж.

– Да, решено, – ответил Генри.

– Нам не мешало бы подстраховаться, – произнес мистер Маршдел.

– Зачем? Мы имеем полное право входить туда.

– И все же почему бы нам не сделать это тайно? Ночью? Мы ничего не потеряем, так как солнечный свет все равно не проникает в склеп.

– Да, не проникает.

– Тогда давайте пойдем туда ночью.

– Но сначала нам нужно спросить разрешение у служителей церкви.

– Я не вижу в этом смысла, – возразил мистер Маршдел. – Склеп принадлежит вашей семье, и, следовательно, вы имеете право входить в него в любое время суток, когда сочтете нужным.

– Однако если наш тайный визит будет раскрыт, это может вызвать неприятные последствия.

– Церковь стара, – сказал Джордж, – и проникнуть в нее не составит труда. Меня смущает лишь то, что мы оставляем Флору без защиты.

– Верно, – согласился Генри. – Я об этом не подумал.

– За ней могла бы присмотреть ваша матушка, – предложил мистер Маршдел. – Но пусть Флора сама решит, будет ли она в безопасности под ее защитой.

– Я хочу, чтобы осмотр гроба мы провели втроем, – заметил Генри.

– Да, это многое бы упростило, – сказал мистер Маршдел. – Но мы не можем обрекать Флору на бессонную ночь. Кроме того, нам не следует посвящать ее в курс дела и говорить о том, куда мы собираемся идти.

– Вы правы, – согласился Джордж.

– Я попытаюсь объяснить ей ситуацию, – пообещал им Генри. – Должен признаться, что наш план вызывает у меня противоречивые чувства, и я с удовольствием бы отказался от него. Но поскольку решение принято, мы отправимся туда втроем.

– В таком случае давайте сделаем это сегодня ночью, – сказал мистер Маршдел. – Место вы знаете, так что сможете позаботиться о необходимых инструментах.

– За церковными скамьями на огороженном участке имеется люк, – приступил к объяснениям Генри. – Он закрыт на замок, ключ от которого находится у меня.

– Отлично.

– Далее начинается небольшая каменная лестница.

– А сам склеп велик? – спросил мистер Маршдел.

– Нет. Размером с обычную комнату и без всяких ответвлений.

– То есть, особых трудностей не будет.

– Да, если только мы не столкнемся с другими препятствиями – что я считаю маловероятным. Из инструментов нам потребуется отвертка, чтобы удалить винты, и ломик, которым мы поднимем крышку.

– Еще надо взять свечи, – добавил мистер Маршдел. – Я молю небеса, чтобы посещение склепа успокоило наши умы и помогло вам выстоять под тем напором домыслов, который обрушился на нас после появления этого ужасного призрака.

– Я тоже надеюсь на это, – ответил Генри. – А сейчас позвольте мне оставить вас. Я схожу к Флоре и попытаюсь убедить ее провести сегодняшнюю ночь в компании матушки.

– Да, кстати, – предложил мистер Маршдел, – а не взять ли нам с собой мистера Чиллингворта? Он мог бы нам здорово помочь.

– Особенно при осмотре останков, – согласился Генри. – Если только мы найдем их в гробу.

– Тогда давайте пригласим его, – сказал Джордж. – Судя по прошлой ночи, он предрасположен к таким рискованным приключениям.

– Я поговорю с ним, когда он придет осматривать Флору, – ответил Генри. – Мне кажется, доктор охотно присоединится к нам. Я лишь возьму с него слово джентльмена о сохранении тайны.

После этого Генри поднялся к Флоре и рассказал ей о том, что он, Джордж и мистер Маршдел решили провести часть ночи вне дома. Ему хотелось знать, будет ли сестра чувствовать себя в безопасности под опекой их матушки.

Услышав это, Флора побледнела. Ее тонкие пальцы задрожали, но она, устыдившись своего страха, решительно ответила:

– Поступайте, как знаете. Я не буду вам помехой. Да и что может случиться со мной под охраной маменьки.

– Нас не будет лишь пару часов, – заверил ее Генри.

– Я постараюсь быть отважной. И потом, не трястись же мне от страха всю жизнь. Я должна научиться защищать себя.

Генри понравилась эта идея, и он спросил:

– А если мы оставим тебе пистолеты, ты сможешь в случае необходимости воспользоваться ими?

– Конечно, смогу.

– Тогда ты их получишь. И прошу тебя, сестра, стреляй без колебаний в любого, кто посмеет войти в твою комнату.

– Хорошо. Я думаю, что в моем случае использование смертельного оружия будет полностью оправдано. Надеюсь, что небеса защитят меня от повторения той кошмарной ночи. И пусть я лучше умру сто раз подряд, чем снова подвергнусь такому нападению.

– Милая Флора, не позволяй подобным мыслям омрачать твой ум. Я по-прежнему питаю надежду на то, что мы найдем какое-то объяснение этому странному визиту. И, возможно, оно не будет таким ужасным, как нам кажется сейчас. Ты только не бойся. Мы выйдем после наступления сумерек и через два часа вернемся. Обещаю.

Несмотря на согласие и отвагу Флоры, Генри понимал, что с наступлением ночи ее страхи могут снова вернуться к ней. Он побеседовал с мистером Чиллингвортом, и тот высказал свою готовность участвовать в осмотре останков. Они договорились встретиться у входа в церковь, ровно в девять часов вечера.

Уладив остальные дела, юноша с тревогой и нетерпением ожидал наступления сумерек. Он надеялся, что эта ночь аннулирует тот страшный вывод, который был создан его воображением на основе данных обстоятельств. Генри принес сестре два лучших своих пистолета, никогда не дававших осечек. Он сам зарядил их и взвел курки на тот критический случай, если Флоре придется действовать без промедления.

– Я знаю, что ты умеешь стрелять из пистолетов, – сказал он сестре. – Этому тебя учил отец, и мне не нужно повторять его инструкций. Если в комнату войдет чужак, немедленно стреляй. Хорошенько прицелься и нажми на курок.

– Генри, я сделаю все, что смогу. А ты успеешь вернуться через два часа?

– Можешь в этом не сомневаться.

День угасал, и вечер вступал в свои права. Небо закрыли тучи. Серые потемки не шли ни в какое сравнение с лунным сиянием предыдущей ночи, но лучи светила прорывались иногда сквозь облака и на несколько минут делали ландшафт отчетливо контрастным. Так что эта ночь была не слишком темной.

Перед началом экспедиции Джордж, Генри и Маршдел встретились в одной из комнат нижнего этажа. Убедившись, что все необходимые инструменты собраны, включая небольшой, но прочный лом, которым Маршдел двое суток назад выламывал дверь в комнату Флоры, трое мужчин вышли из дома и быстрым шагом направились к церкви.

– А Флора не очень встревожилась, когда узнала, что остается одна? – спросил Маршдел.

– Нет, – ответил Генри. – Сестра с отвагой преодолела страх и пообещала справиться с той депрессией, в которой она находится после ужасного нападения.

– Эта депрессия едва не довело Флору до безумия.

– Да, ее разум чудом удержался на своем престоле, но, слава небесам, она уже поправляется.

– Надеюсь, что в ее жизни больше не будет таких испытаний.

– Мы просто не можем позволить, чтобы подобная беда случилась дважды.

– Она одна на целую тысячу. На ее месте многие девушки сошли бы с ума от такого нервного потрясения.

– Флора не только поправилась, – ответил Генри, – но и окрепла духом. Я с радостью заметил, что она полна решимости бороться за себя.

– Кстати, я забыл вам сказать, – добавил Джордж. – Она даже попросила меня оставить ей оружие на тот случай, если мерзкий гость нанесет повторный визит.

– Ты сейчас удивил меня, брат.

– Я и сам тому удивился.

– Если бы она попросила об этом меня, – сказал мистер Маршдел, – я оставил бы ей один из моих пистолетов. А она умеет ими пользоваться?

– Да, умеет.

– Какая жалость! Я взял оба пистолета с собой.

– Не беспокойтесь. У нее есть оружие.

– Вот как?

– Да, я отдал ей свои пистолеты, которые привез с материка, – ответил Генри. – Они заряжены пулями, так что, если вампир появится опять, он встретит горячий прием.

– О Боже! А это не опасно?

– Я думаю, ничуть.

– Вам виднее, Генри. Надеюсь, если вампир придет, мы по возвращении в особняк застанем его мертвым. О проклятье! Я забыл взять спички. Без них мы не сможем зажечь наши свечи.

– Что же нам делать?

– Идите не спеша, а я вернусь и заберу их.

– Но мы уже почти у церкви.

– Эгей! – послышался голос неподалеку от них.

– Это мистер Чиллингворт, – сказал Генри.

– Эгей! – повторно крикнул доктор. – Это вы, мой друг?

– Да, я, – ответил Генри.

Мистер Чиллингворт приблизился к ним и сказал:

– Я пришел немного раньше и, чтобы не выставлял себя на обозрение у церкви, решил отправиться вам навстречу.

– Откуда вы знали, что мы пойдем этой дорогой?

– Не трудно было догадаться. Кратчайший путь от вас до церкви.

– Мне придется вернуться в особняк, – сказал мистер Маршдел.

– Вернуться? – переспросил его доктор. – Зачем?

– Я забыл спички. У нас есть свечи, но зажечь их будет нечем.

– Не беспокойтесь об этом, – с усмешкой произнес мистер Чиллингворт. – Я никуда не выхожу без спичек собственного изготовления. Если у вас есть свечи, мы можем зажечь их в любой момент.

– Будем считать, что нам повезло, – сказал Генри.

– Еще как, – согласился Маршдел. – До особняка не меньше полмили, а я уже не тот ходок, каким был в юности. Вперед, друзья!

Они быстро зашагали по проселочной дороге. Старая церковь находилась в миле от деревни. Она была ближе к владениям Баннервортов, но почему-то с давних пор считалась деревенской. Рядом с церковью располагался небольшой сад и два коттеджа, в которых жили люди, проводившие религиозные службы и охранявшие церковные владения.

Само здание было возведено в ранне-английском стиле, причисляемом к архитектуре XII века, с одной из тех древних квадратных башен, которые строились из кремневой гальки, смешанной с цементом. Со временем этот раствор превращался в монолит такой же конси-

стенции, как камень. Многочисленные стрельчатые окна имели какое-то отношение к витиеватому готическому стилю, но скудность орнамента делала эту связь слишком сомнительной. Здание церкви стояло в центре кладбищенского двора, который занимал не меньше половины акра.

Это была одна из самых красивых сельских церквей на многие мили вокруг. Ценители древней и колоритной архитектуры приезжали полюбоваться ею со всех уголков страны, и это строение имело заслуженную репутацию изящного образца в своем хронологическом классе и стиле.

Ныне в Кенте сохранилось лишь несколько церквей древнеримского стиля – да и те скоро снесут по наущению современных архитекторов и алчных биржевых дельцов. Вместо них тщеславные священники возведут непрочные здания, построенные на итальянский лад. Однако истинный знаток искусства еще может отыскать монументальные творения. Взять к примеру церковь в Виллесдене. Она во многом схожа с тем зданием, в которое намеревались проникнуть наши четверо друзей.

В их умах не было богохульных мыслей. Они действовали из добрых побуждений. Единственная странность их поведения объяснялась тем, что они желали сохранить посещение склепа в тайне.

К тому времени тучи сгустились и полностью закрыли луну. Когда четверо мужчин подошли к кладбищенским воротам, их окружала беспросветная мгла.

– Ночь нам благоволит, – прошептал своим спутникам Генри. – Возможно, нас никто и не заметит.

– А как мы проберемся внутрь? – спросил доктор, осматривая темные контуры здания.

– Двери закрыты на замки, – сказал Джордж.

– Что же нам делать?

– Я предлагаю вынуть одно из мозаичных стекол в каком-нибудь нижнем окне, – ответил Генри. – Тогда, просунув руку, я мог бы дотянуться до щеколды и открыть оконную раму. Затем мы проберемся в церковь.

– План хорош, – согласился Маршдел. – Не будем терять времени.

Они обошли церковь и выбрали ближайшее к углу окно – там, где огромный контрфорс выступал в сторону кладбища.

– Ты сможешь сделать это, Генри? – спросил Джордж.

– Да, я знаю, где запоры. Подсади меня немного, и все будет в порядке.

Джордж выполнил просьбу брата, и Генри отогнул ножом края свинцовой оплетки, которая удерживала одно из мозаичных стекол. Он выковырял стекло из оплетки и передал его Джорджу.

– Держи. Когда мы будем уходить, я вставлю его обратно. Никто даже не заметит, что мы пробрались в церковь.

Пока Джордж прятал стекло в траве, Генри открыл раму. Доступ в здание оказался на удивление легким.

– Странно, что при такой плохой защите церковь ни разу не грабили, – сказал мистер Маршдел.

– На самом деле в этом нет ничего странного, – ответил мистер Чиллингворт. – Просто грабителям здесь нечем поживиться.

– Ну да?

– Тут нет ничего ценного. Конечно, кафедра проповедника покрыта потертым вельветом, но за исключением его и старого сундука, в котором, как я знаю, осталось лишь несколько книг, ворами здесь нечего брать.

– Да, за таким добром сюда не полезут.

– Вперед, – поторопил их Генри. – Будьте осторожны. От подоконника до пола около двух футов.

Когда его спутники пробрались внутрь, Генри закрыл изнутри раму на шпингалет.

– Теперь осталось пробраться в склеп, – сказал он своим друзьям. – Надеюсь, небеса простят меня за осквернение могилы моих предков, но я делаю это по вполне достойной причине.

– Да, разгадывать секреты гробниц – это нехорошее занятие, – заметил Маршдел.

– Все это вздор, – ответил доктор. – Какие секреты могут быть у могил?

– Но, сэр...

– Нет, мой друг, смерть – это неизбежный для нас удел, и он должен рассматриваться с философской точки зрения. В могиле нет никаких секретов, кроме того, о котором не принято говорить.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду тот неприятный факт, который мы вскоре раскроем.

– И что это за факт?

– Отвратительный запах разложившейся плоти. Больше, насколько я знаю, у могил секретов не имеется.

– Ваша профессия делает вас скептиком в таких вопросах.

– И очень хорошо, что делает. Если бы все люди видели в мертвом теле нечто ужасное и отвратительное, то хирургия потеряла бы смысл, а самые жуткие преступления оставались бы безнаказанными.

– Если мы сейчас зажжем свечу, нас могут заметить, – сказал Генри. – В церкви много окон.

– Я так не думаю, – ответил мистер Чиллингворт. – Особенно если я поднесу зажженную спичку к полу.

– Да, без света мы не сможем открыть люк, ведущий в склеп.

Генри повел их к огороженному месту, которое принадлежало семейству Баннервортов.

– Когда вы в последний раз открывали склеп? – спросил Маршдел.

– Десять месяцев назад на похоронах отца, – ответил Генри.

– Тогда винты еще не успели заржаветь.

– Оцените мои спички, – сказал мистер Чиллингворт.

Пол озарило ровное и чистое сияние. Спичка горела не меньше минуты, и Генри, воспользовавшись этим кратким моментом, успел вставить ключ в скважину замка. Головки винтов были хорошо видны на поверхности люка.

– Думаю, мы можем обойтись теперь без света, – произнес юноша. – Я запомнил, где находятся винты.

– А вы сможете их открутить?

– Да. К тому же их только четыре.

– Ну давайте, попробуйте.

К счастью, винты специально создавались для того, чтобы их при необходимости можно было выкручивать. Они имели крупные головки, с глубокими канавками для отвертки. Генри без труда нащупывал их пальцами и выкручивал винты один за другим. Света не потребовалось. Юноше хватало тусклого сияния небес.

– Мистер Чиллингворт, – прошептал он дрожащим голосом. – Не могли бы вы зажечь еще одну спичку. Я выкрутил винты, и теперь мне надо вытащить их из отверстий.

– Пожалуйста, – ответил доктор.

В тот же миг пространство перед ними озарилось ярким светом. Генри вытащил винты из гнезд и для большей надежности положил их в карман, поскольку он хотел впоследствии

вернуть все на свои места. Никто не должен был догадаться о том, что склеп тайно открывали для какой-то неведомой цели.

– Мы можем спускаться, – произнес юноша. – Путь в склеп свободен. И да поможет нам Бог.

Пока они медленно шли по ступеням, ведущим вниз, Джордж тихо прошептал:

– Если бы кто-то сказал мне, что мы ночью отправимся в склеп для осмотра мертвого тела, пролежавшего в гробу сто лет, да еще к тому же принадлежащего вампиру, я назвал бы такую идею самой абсурдной из всех, какие только приходили в головы людей.

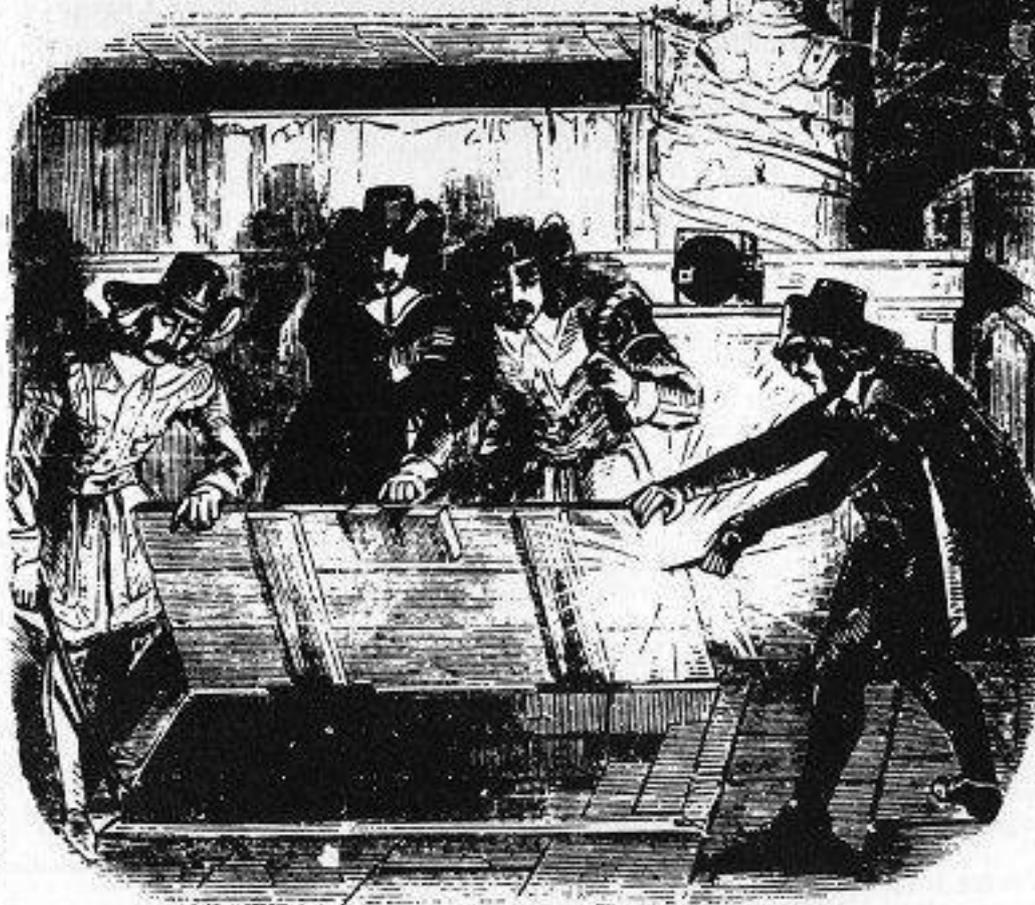
– Мы просто рабы обстоятельств, – ответил Маршдел, – и не можем зарекаться от каких-либо дел. То, что кажется нам неприемлемым или даже вовсе невозможным в определенное время, в другой момент становится единственным способом действий, открытым для нас.

longed to the village, was not in it. On the contrary, it was situated at the end of a long lane, which was a mile nearly from the village, in the direction of the hall; therefore, in going to it from the hall, that amount of distance was saved, although it was always called and considered the village church.

It stood alone, with the exception of a glebe house and two cottages, that were occupied by persons who held situations about the sacred edifice, and who were supposed, being on the spot, to keep watch and ward over it.

It was an ancient building of the early English style of architecture, or rather Norman, with one of those antique, square, short towers, built of flint stones firmly embedded in cement, which, from time, had acquired almost the consistency of stone itself. There were numerous arched windows, partaking something of the more florid gothic style, although scarcely ornamental enough to be called such. The edifice stood in the centre of a grave-yard, which extended over a space of about half an acre, and altogether it was one of the prettiest and most rural old churches within many miles of the spot.

Many a lover of the antique and of the picturesque, for it was both, went out of his way while travelling in the neighbourhood to look at it, and it had an extensive and well-deserved reputation as a fine specimen of its class and style of building.

Они спустились в склеп, пол которого был выложен красными плитами, хорошо подогнанными друг под друга. Помещение оказалось небольшим, о чем и говорил им Генри. Некоторые из комнат в особняке Баннервортов были намного больше, чем это пристанище для мертвых. В воздухе чувствовались зловоние и сырость, но запах не был таким отвратительным, как они ожидали, хотя с момента погребения одного из последних обитателей склепа прошло уже много месяцев.

– Теперь можно не бояться посторонних глаз, – сказал Генри. – Мистер Чиллингворт, нам понадобится еще одна спичка. Мистер Маршдел, вы говорили, что свечи у вас.

– Да. Вот они.

Маршдел достал из кармана сверток, в котором было несколько восковых свечей. Когда он развернул бумагу, на пол упал небольшой коробок. Мистер Чиллингворт поднял его и с удивлением воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.